

Л. Д. ГАУХМАН

БОРЬБА
С НАСИЛЬСТВЕННЫМИ
ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМИ

«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» МОСКВА — 1969

Гаухман Л. Д.
34С5 Борьба с насильственными посягательствами,
Г 24 «Юридическая литература», 1969.
120 с.

В настоящей работе читатель найдет ответы на многочисленные вопросы, связанные с понятием насильственных преступлений, их квалификацией, отграничением от преступлений ненасильственного характера. Должное внимание в книге уделено вопросам уголовноправовой борьбы с хулиганством, преступлениями против личности и собственности. В работе широко использовано законодательство союзных республик, а также материалы следственной и судебной практики.

1—10—2

68—69

Гаухман Лев Давидович

«БОРЬБА С НАСИЛЬСТВЕННЫМИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМИ»

Редактор Р. А. Маркович. Обложка художника И. В. Данилевич.
Художественный редактор Э. П. Стулина, Технический редактор А. А. Густовская. Корректор Л. Г. Кузьмичева.

Сдано в набор 23/X-1968 г. Подписано в печать 23/I-1969 г. Бумага типографская № 3, формат 84×108¹/₃₂. Объем: усл. печ. л. 6,30; учет.-изд. л. 6,91.
Тираж 10 000 экз. А-05121.

Издательство «Юридическая литература», Москва, К-64, ул. Чкалова, д. 38—40.
Заказ 6015.

Областная типография Ивановского управления по печати, г. Иваново,
Типографская, 6.

Цена 35 коп.

Глава I ПОНЯТИЕ НАСИЛИЯ

Насильственные преступления занимают значительное место в советском уголовном праве. Их объединяет то, что элементом каждого из этих составов преступлений является насилие.

Круг составов насильственных преступлений определить довольно трудно, поскольку в некоторых из них, например в составе хулиганства, насилие выступает в качестве факультативного элемента.

Правовая характеристика этих преступлений зависит от точного определения насилия.

В советском уголовном праве понятие насилия является весьма сложным. Представляя элемент, характеризующий объективную сторону ряда составов преступлений, простых или квалифицированных, насилие выступает в различных значениях. Оно может быть обязательным или факультативным, основным или второстепенным элементом состава преступления, квалифицирующим признаком, играть роль способа или средства совершения преступления. Многообразие значения насилия в том или ином составе преступления обуславливается особенностями, характеризующими объект, объективную сторону, субъективную сторону и субъекта преступления.

Закон предусматривает два различных по характеру вида насилия: физическое и психическое или угрозу применения физического насилия.

Каждый из этих видов насилия разделяется по интенсивности на опасное для жизни или здоровья и не опасное для этих благ человека. Помимо этого, предусматривается дифференциация психического насилия на угрозу убийством и угрозу нанесением тяжких телесных повреждений.

Уяснение понятия насилия предполагает, во-первых, определение физического насилия в широком смысле, т. е. установление четких критериев для отграничения насильственного действия от всякого ненасильственного действия, во-вторых, определение физического насилия, опасного для жизни или здоровья, т. е. отграничение данного насилия от насилия, не опасного для этих благ человека; в-третьих, определение психического насилия в широком смысле и установление критериев для разграничения каждой степени его интенсивности.

§ 1. Понятие физического насилия

В русском литературном языке насилие определяется как «применение физической силы к кому-нибудь»¹, «принудительное воздействие на кого-, что-нибудь»², «принуждение...; действие стеснительное, обидное, незаконное и своевольное»³.

В этих определениях указываются фактические и юридические признаки насилия. К фактическим относятся, во-первых, объективные признаки, характеризующие внешнюю сторону и способ действия, и, во-вторых, субъективные признаки, выражающие волевое отношение к этому действию со стороны лица, применяющего насилие, и потерпевшего. Указание на незаконность действия характеризует юридический признак насилия. С точки зрения уголовного права, этот признак выражается в общественной опасности и уголовной противоправности действия.

Уголовноправовое понятие физического насилия характеризуется совокупностью фактических и юридического признаков.

Большинство определений физического насилия, имеющих в уголовноправовой литературе⁴, не содержат указаний на юридический и фактические субъективные признаки рассматриваемого понятия. В них, например, отмечается, что «физическое насилие состоит в непосредственном

воздействии на тело лица, фактически владеющего вещью в момент похищения, и может выражаться в различном виде, начиная с простых побоев и доходя до нанесения тяжких телесных повреждений и до лишения жизни»¹, что физическим насилием является «всякое воздействие на телесную неприкосновенность потерпевшего»² либо «применение физической силы к потерпевшему»³.

Недостатком этих определений является то, что в них акцентируется внимание только на внешней стороне и способе действия при физическом насилии (а в первом определении — еще и на последствии такого насилия). Вместе с тем в них не указывается на общественную опасность и противоправность, на волевое отношение к действию как со стороны лица, применяющего насилие, так и со стороны потерпевшего, что может привести к расширительному толкованию понятия физического насилия.

Помимо этого, как видно из приведенных определений, их авторы понимают под физическим насилием воздействие лишь на внешние покровы тела человека и не признают таковым воздействие на внутренние органы без повреждения наружных тканей путем опаявания или отравления, что ведет к сужению рассматриваемого понятия.

Более полно и всесторонне юридическая природа физического насилия отражена А. Н. Игнатовым, определяющим физическое насилие как «противоправное воздействие на организм потерпевшего, совершенное против его воли»⁴. Однако указание только на противоправность придает этому определению несколько формальный оттенок, что создает возможность отнесения к физическому насилию малозначительных действий, не достигающих той степени общественной опасности, которая характеризует преступление, например нанесение потерпевшему незначительного удара при совершении мелкого хулиганства. Поэтому насилие в уго-

¹ «Словарь современного русского литературного языка», т. 7, изд. АН СССР, 1958, стр. 490.

² Там же.

³ В. Даль, Толковый словарь, Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956, стр. 469.

⁴ Следует отметить, что эти определения даны в основном применительно к составам преступлений разбоя и грабежа.

¹ А. К. Щедрина, Ответственность за разбой по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан», «Вопросы советского уголовного права и процесса. Ученые записки Свердловского юридического института», 1958, т. VI, стр. 24.

² А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, Особенная часть, т. 1, Госюриздат, 1955, стр. 722.

³ «Советское уголовное право. Часть Особенная», изд-во ЛГУ, 1959, стр. 220.

⁴ А. Н. Игнатов, Уголовная ответственность за разбой по действующему советскому уголовному законодательству, автореферат канд. диссертации, МГУ, 1952, стр. 127.

ловноправовом смысле должно обязательно характеризоваться общественной опасностью.

Наряду с противоправностью, т. е. отражением рассматриваемого действия в нормах Особенной части советского уголовного законодательства, наличие материального признака преступного деяния — общественной опасности — позволит более рельефно и четко определить физическое насилие и отграничить его от действий, не являющихся преступными.

Суммируя фактические и юридический признаки, *под физическим насилием следует понимать общественно опасное противоправное воздействие на организм другого человека против его воли.*

Это определение содержит наиболее общие признаки физического насилия. Конкретизация каждого из них дает возможность глубже и всесторонне раскрыть рассматриваемое понятие, определить критерии для отграничения насилия от любого другого ненасильственного действия.

При этом необходимо иметь в виду, что проведенное деление на фактические и юридический признаки является весьма условным. Уголовноправовое значение каждого фактического или юридического признака может быть раскрыто только с учетом действующих норм советского уголовного права.

Физическое насилие всегда представляет собой действие и не может быть осуществлено посредством бездействия.

Действие в уголовноправовом смысле охватывает все признаки, присущие человеческому действию в физиологическом и психологическом смысле, и, помимо них, обладает определенными специфическими чертами. В количественном отношении действие в интересующем нас смысле понимается обычно не как одно мышечное телодвижение, а как совокупность, комплекс телодвижений. В качественном отношении действие характеризуется не только физиологическими и психологическими, но еще и социальными признаками. Социальными свойствами преступного действия являются его общественная опасность и вытекающая из нее противоправность.

Под действием в уголовноправовом смысле понимается комплекс телодвижений человека, представляющий общественную опасность и являющийся уголовно-противоправным. Исключение составляют действия в указанном смысле, которые совершены лицом невменяемым или не достигшим установленного возраста или под действием непреодо-

лимой силы. Эти действия лишены уголовноправового значения.

В качестве элемента конкретного состава преступления действие наделяется специфическими признаками. Вследствие этого одно и то же действие в одном составе преступления имеет уголовноправовое значение, а в другом — нет¹.

Физическое насилие в интересующем нас смысле должно обладать всеми признаками, которые характеризуют действие. Помимо этих признаков насилие должно характеризоваться и другими признаками, наличие которых отличает его от любого другого действия.

Физическое насилие в уголовноправовом смысле само или в сочетании с другими действиями, мотивами, целями должно находить отражение в составе преступления, предусмотренном нормой Особенной части советского уголовного законодательства, и характеризоваться степенью общественной опасности, свойственной преступлению.

Являясь действием, физическое насилие может повлечь различные последствия в виде причинения другому человеку физической боли, телесных повреждений или смерти. Однако неправильно отождествлять насилие как действие с последствиями, причиненными насилием. В этой связи вызывает возражения мнение, высказанное П. А. Дубовцом, что «принципиально правильно в определении телесных повреждений включать насильственные действия: удары, побои и тому подобные действия, которые причиняют физические страдания. Удары, побои и иные насильственные действия, соединенные с причинением физической боли, так же как и все другие телесные повреждения, наносят вред здоровью человека»².

Во-первых, телесное повреждение и насилие являются различными понятиями. Насилие отличается от телесного повреждения тем, что оно всегда представляет собой действие, тогда как телесное повреждение во всех случаях является последствием.

Во-вторых, в качестве самостоятельного состава преступления удары, побои и иные насильственные действия,

¹ А. Н. Трайнин, *Общее учение о составе преступления*, Госюриздат, 1957, стр. 135; В. Н. Кудрявцев, *Объективная сторона преступления*, Госюриздат, 1960, стр. 66, 69; Н. М. Сеченов, *Избранные философские и психологические произведения*, М., 1947, стр. 71; С. Л. Рубинштейн, *Бытие и сознание*, М., 1957, стр. 252.

² П. А. Дубовец, *Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву*, «Юридическая литература», 1964, стр. 8.

соединенные с причинением физической боли, но не повлекшие телесного повреждения, не причиняют вреда здоровью человека, хотя и могут быть на него направлены. Последствием как элементом объективной стороны данного состава преступления является лишь физическая боль, но не вред здоровью человека.

Насилие является действием, направленным против другого человека и совершаемым всегда против воли последнего. При совершении целого ряда преступлений, например разбоя, оно направлено на преодоление, подавление воли потерпевшего, на навязывание последнему воли виновного.

Применяя физическое насилие, виновный желает действовать, не считаясь с волей потерпевшего, против его воли. Кроме того, он может руководствоваться различными мотивами или целями, например хулиганскими побуждениями или стремлением завладеть чужим имуществом.

Для определения физического насилия принципиальное значение имеет точное определение фактических признаков, характеризующих внешнее проявление такого насилия, его формы и способы, поскольку в теории советского уголовного права отсутствует единое мнение по этому вопросу.

Физическое насилие может выражаться в двух различных по характеру видах: 1) в воздействии на тело человека и 2) в воздействии на внутренние органы человека без повреждения наружных тканей (опаивание, отравление)¹.

---

¹ Рассматривая действия, могущие причинить телесные повреждения, П. А. Дубовец подразделяет их на три группы: 1) причинение телесных повреждений путем физических (механических, электрических, термических, температурных, биологических и т.п.) воздействий; 2) причинение телесных повреждений химическим путем и 3) причинение телесных повреждений путем психического воздействия («Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву», «Юридическая литература», 1964, стр. 20). Такое деление представляется не совсем удачным, поскольку воздействие может быть только физическим (материальным) или психическим. Физическое воздействие может быть осуществлено различными способами, в том числе и химическим. Выделять химический способ принципиально неправильно. Во-первых, для правовой оценки важно не то, каким способом — механическим, химическим, биологическим или иным — причинено повреждение, а то, причинено оно открыто (явно) или тайно (замаскировано). Во-вторых, не всегда возможно разграничить способы воздействия, указанные П. А. Дубовцом, в частности отграничить химический способ от биологического.

По действующему закону (ст. 113, ч. 2 ст. 112 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик) первый вид физического насилия, выражающийся в истязании, умышленном нанесении побоев, сам по себе признается преступлением.

В то же время в советском уголовном законодательстве отсутствуют специальные нормы, предусматривающие наказуемость второго вида насилия, связанного с непосредственным воздействием на внутренние органы человека без повреждения наружных тканей. Такое насилие, само по себе не повлекшее серьезных последствий и не содержащее признаков более тяжкого преступления, например покушения на убийство, не является преступным.

Каждый из этих видов насилия может быть элементом, характеризующим наряду с другими элементами объективную сторону насильственных преступлений.

Первый вид включается в понятие физического насилия всеми представителями науки советского уголовного права¹.

Действующие Уголовные кодексы РСФСР и БССР не предусматривают ответственность за насильственные действия, причинившие физическую боль. Однако в действующих уголовных кодексах всех других союзных республик такие действия описываются в диспозициях статей, именуемых «Побой и истязания»². Уголовный кодекс Эстонской ССР именуется соответствующую статью «Насильственные действия над личностью».

Являясь самостоятельным элементом составов преступлений против личности, предусмотренным в диспозициях указанных статей УК, насильственные действия, сопряжен-

---

¹ А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права. Особенная часть, т. 1, Госюриздат, 1955, стр. 722; А. Филимонова, Некоторые вопросы судебной практики по делам о разбоях, «Ученые записки юридического факультета Казахского государственного университета им. С. М. Кирова», вып. IV, Алма-Ата, 1957, стр. 202; М. П. Михайлов, Уголовная ответственность за кражу личного имущества и разбой (по советскому праву), Госюриздат, 1958, стр. 128; «Советское уголовное право. Часть Особенная», учебное пособие ВЮЗИ, т. 1, 1960, стр. 254 и другие работы.

² См. ст. 108 УК Азербайджанской ССР, ст. 110 УК Армянской ССР, ст. 116 УК Грузинской ССР, ст. 99 УК Казахской ССР, ст. 107 УК Киргизской ССР, ст. 111 УК Латвийской ССР, ст. 117 УК Литовской ССР, ст. 101 УК Молдавской ССР, ст. 116 УК Таджикской ССР, ст. 118 УК Туркменской ССР, ст. 93 УК Узбекской ССР, ст. 107 УК Украинской ССР, ст. 113 УК Эстонской ССР.

ные с причинением физической боли, а также удары и побои безусловно должны быть понимаемы как насилие в уголовноправовом смысле.

Понятием насильственных действий, сопряженных с причинением физической боли, охватывается и истязание, влекущее особенную боль.

Эти действия, представляя собой насилие первого вида, посягающее на телесную неприкосновенность человека, при увеличении степени их интенсивности могут повлечь телесные повреждения различной тяжести или лишение жизни потерпевшего.

Таким образом, физическое насилие рассматриваемого вида представляет собой воздействие на тело человека и может иметь последствиями причинение физической боли, включая особенную боль, вред здоровью либо смерть.

Насилие этого вида по продолжительности может быть кратковременным или длительным. Кратковременным насилием являются удары, побои. Длительным насилием являются истязания и мучения.

Большинство насильственных преступлений совершается с применением кратковременного насилия

Закон лишь в отдельных случаях предусматривает продолжительность насилия в качестве элемента, характеризующего объективную сторону состава преступления. При этом кратковременность или длительность насилия имеет значение для квалификации деяния с целью отграничения одного преступления от другого. Продолжительность насилия может характеризовать самостоятельный состав преступления, например длительность насилия характеризует состав истязания, предусмотренный ст. 113 УК РСФСР, а кратковременность насилия — побои, ответственность за которые наступает по ч. 2 ст. 112 УК РСФСР.

Длительность насилия может быть квалифицирующим признаком состава преступления. Так, тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение, причиненное насилием, носившим характер истязания, является обстоятельством, квалифицирующим эти составы преступлений, и наказывается соответственно по ч. 2 ст. 108 или ч. 2 ст. 109 УК РСФСР, т. е. более строго, нежели те же телесные повреждения, причиненные кратковременным насилием, естественно, при условии отсутствия других квалифицирующих обстоятельств.

Длительное насилие в виде истязания или мучения является одним из возможных признаков, характеризующих

особую жестокость, представляющую собой обстоятельство, квалифицирующее умышленное убийство¹.

В других случаях длительное насилие, когда оно является признаком, характеризующим особую жестокость или издевательство над человеком, может быть при назначении наказания признано обстоятельством,отягчающим ответственность, предусмотренным п. 7 ст. 34 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (п. 7 ст. 39 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик)

Таким образом, по сравнению с кратковременным длительным насилием признается законодателем более общественно опасным.

Применяя насилие, преступник может использовать свою физическую силу, огнестрельное и холодное оружие, предметы, заменяющие оружие, жидкости (кислоты, кипяток), а также сыпучие вещества (когда он бросает песок, табак и т. п. в глаза потерпевшего) или животных (когда натравливает, например, собаку). Насилие этого вида может быть осуществлено и другими способами, которые во всех случаях характеризуются тем, что воздействие оказывается на тело человека.

Спорным является вопрос об отнесении к физическому насилию ограничения свободы человека.

Следует отметить, что само по себе ограничение свободы, исключая незаконное лишение свободы, не является преступлением и приобретает уголовноправовое значение лишь в сочетании с другими элементами, характеризующими объективную или субъективную сторону состава преступления, например, в сочетании с похищением имущества или с хулиганскими побуждениями.

В теории советского уголовного права вопрос о том, является ли ограничение свободы насилием, рассматривается применительно к преступлениям против собственности.

В литературе существуют три различных мнения, согласно которым: 1) ограничение свободы потерпевшего не

¹ На это указывается в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве», «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1963 г. № 4. См. также М. К. Аниязиц, Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик, «Юридическая литература», 1964, стр. 57; С. В. Бородин, Квалификация убийства по действующему законодательству, «Юридическая литература», 1966, стр. 89.

признается насилием; 2) любое ограничение свободы признается насилием; 3) насилием признается не всякое ограничение свободы, а лишь такое, которое соединено с непосредственным воздействием на тело потерпевшего (связывание, затыкание рта, вталкивание и т. п.).

Так, И. И. Горелик дал следующее определение: «Физическое насилие может выражаться в нанесении ударов, побоев и иных насильственных действиях, которые причиняют физическую боль. Степень выносимости потерпевшего не имеет значения. Насильственными следует считать такие действия, которые по своей объективной природе могут причинить физическую боль»¹.

Из приведенного определения видно, что И. И. Горелик не относит ограничение свободы к понятию насилия.

С этой точкой зрения согласиться нельзя.

При насильственном завладении имуществом насилие всегда выступает как средство завладения имуществом или удержания уже похищенного имущества и применяется преступником для того, чтобы лишить потерпевшего возможности, способности или желания сопротивляться завладению имуществом. Ограничение свободы потерпевшего для завладения имуществом, выражающееся в связывании, вталкивании, удержании потерпевшего (при попытке убежать от преступника или догнать похитителя), в затыкании рта потерпевшему, безусловно является таким средством завладения имуществом. Эти действия носят насильственный характер, так как преступник, совершая их, оказывает воздействие на организм потерпевшего, сковывает свободу его действий, затрудняя возможность сопротивляться завладению имуществом. Например, осудив за насильственный грабеж по ч. 2 ст. 145 УК РСФСР Филина М. А., Огородникова В. Ф. и Григорьева П. Н., которые с целью ограбления взяли гр-на Балыкина за руки, втащили в подъезд дома, где повалили и похитили у него пачку сигарет, кошелек и три рубля, суд признал втаскивание и сваливание потерпевшего физическим насилием².

Действия, ограничивающие свободу потерпевшего, могут и не причинить физической боли. Однако и в этом случае они сохраняют насильственный характер, являясь сред-

ством завладения имуществом. Юридическая природа таких действий не меняется от причинения или не причинения ими физической боли. Поэтому исключение И. И. Гореликом ограничения свободы из понятия физического насилия неоправданно суживает понятие насильственного завладения имуществом.

Другие криминалисты признавали и признают, что физическим насилием при насильственном завладении имуществом является любое ограничение свободы потерпевшего. Так, С. С. Степичев относит к физическому насилию «связывание потерпевшего или заперение его в каком-либо помещении»¹. Лишение потерпевшего свободы относят к физическому насилию также М. Б. Гугучия² и А. К. Щедрина³ и относят к нему заперение потерпевшего в каком-либо помещении. Однако М. Б. Гугучия относит к физическому насилию не всякое лишение свободы, а лишь такое, которое осознается потерпевшим. Приведенные положения вызывают возражения. Заперение потерпевшего в отдельной комнате (на непродолжительное время, пока совершается похищение) независимо от того, сознает он это или нет, нельзя признать насилием, если не было применено какого-либо физического (механического) воздействия на внешние покровы его тела или угрозы осуществить такое воздействие.

В рассматриваемой ситуации, когда потерпевший не сознает факта ограничения его свободы, вообще отсутствует какое-либо физическое или психическое воздействие на него. Когда же потерпевший сознает этот факт, то налицо оказание на него только психического воздействия, которое, однако, не является угрозой причинения физического вреда, а представляет запугивание беспрепятственным похищением имущества.

При этом преступник как бы ограждает себя от потерпевшего. Он не только не соприкасается с ним, но и прояв-

¹ С. С. Степичев, Ответственность за хищение личного имущества граждан, «Социалистическая законность» 1961 г. № 5, стр. 49.

² М. Б. Гугучия, Ответственность за разбой по действующему уголовному законодательству, Сухуми, 1958, стр. 31: «Физическое насилие может состоять в приведении его (потерпевшего — Л. Г.) в безопасное для преступника состояние (например, лишение свободы)».

³ А. К. Щедрина, Ответственность за разбой по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан», «Вопросы советского уголовного права и процесса. Ученые записки Свердловского юридического института», т. VI, 1958, стр. 24.

¹ И. И. Горелик, Приложение к канд. диссертации «Уголовно-правовая охрана личной собственности граждан», Л., 1947, стр. 10.

² Архив народного суда Ленинского района г. Москвы, дело № 1—558, 1962 г.

ляет нежелание войти в соприкосновение и оказать на него физическое (механическое) воздействие. У виновного отсутствует умысел на причинение потерпевшему какого бы то ни было физического вреда. А поэтому действия в части посягательства на личность лишены общественной опасности.

Не имеет также значения тот факт, сознает ли потерпевший, что он лишается свободы, или нет. И в том и в другом случае налицо ненасильственное похищение имущества. Однако в первом случае действия преступника должны быть квалифицированы как открытое похищение, а во втором — как тайное.

Сказанное относится к тем случаям, когда преступник повертывает ключ в замке двери комнаты, в которой находится потерпевший, или без сопротивления потерпевшего закрывает дверь комнаты.

Включение в понятие физического насилия при завладении имуществом любого ограничения свободы потерпевшего неосновательно расширяет понятие насильственного похищения имущества и, следовательно, самого понятия насилия.

В тех случаях, когда преступник с целью завладения имуществом втаскивает, вталкивает потерпевшего в комнату или отталкивает от двери, которую потерпевший удерживает, и запирает его там, налицо насильственный характер действий преступника, так как последний оказывает физическое воздействие на организм потерпевшего.

В понятие физического насилия должно быть включено не всякое ограничение свободы, а лишь такое, которое связано с непосредственным воздействием на организм потерпевшего. Это мнение разделяют большинство советских криминалистов¹.

---

¹ Б. С. Никифоров, Уголовноправовая охрана личной собственности в СССР, М., 1954, стр. 90; А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшлагин, Курс советского уголовного права, Особенная часть, т. 1, М., 1955, стр. 722; Г. А. Кригер, Ответственность за хищение государственного и общественного имущества по советскому уголовному праву, МГУ, 1957, стр. 170; А. Филимонова, Некоторые вопросы судебной практики по делам о разбоях, «Ученые записки юридического факультета Казахского государственного университета им. С. М. Кирова», вып. IV, Алма-Ата, 1957, стр. 203; М. П. Михайлов, Уголовная ответственность за кражу личного имущества и разбой (по советскому праву), Госюриздат, 1958, стр. 129; П. Михайленко, Р. Тевлин, Преступления против личной собственности граждан, Киев, 1962, стр. 46; В. А. Владимиров, Преступления против личной собственности

Ограничение свободы потерпевшего может иметь место не только при совершении преступлений против собственности. Так, при хулиганстве оно может характеризовать объективную сторону как само по себе, так и в сочетании с другими действиями. При этом насильственное ограничение свободы, т. е. связанное с механическим воздействием на организм человека, характеризует хулиганство, сопряженное с насилием, и выражается, например, в связывании потерпевшего, в затыкании ему рта, во втаскивании или вталкивании его в туалет, в подвал и запираении там, а также в других подобных действиях, которые могут сопровождаться издевательством или глумлением над человеком. В то же время не является насильственным хулиганством, выражающееся в ограничении свободы и не связанное с механическим воздействием на организм человека, например когда виновный систематически из хулиганских побуждений запирает потерпевшего (без оказания какого-либо непосредственного воздействия на его организм) в его комнате, в туалете в те часы, когда он должен уходить из дома.

Определение действий, характеризующих физическое насилие первого вида, связано с отграничением такого насилия от усилий, применяемых виновным для изъятия имущества у потерпевшего, который удерживает это имущество у себя с помощью физической силы.

Вопрос о таком разграничении возникает в связи с мнением, высказанным авторами Комментария к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. Они пишут: «Грабеж нередко совершается при помощи так называемого «рывка». Под «рывком» в следственной и судебной практике понимается применение определенного усилия для изъятия имущества у потерпевшего, который удерживает это имущество у себя с помощью физической силы (например, держит сумочку с деньгами в руках). Грабеж при помощи «рывка» должен квалифицироваться по ч. 2 ст. 145 УК РСФСР»¹.

Предлагая квалифицировать грабеж при помощи «рывка» по ч. 2 ст. 145 УК РСФСР (по признаку насилия) авторы отождествляют усилия, применяемые грабителем для изъятия имущества, удерживаемого потерпевшим, с

граждан, учебное пособие, М., 1962, стр. 26; Г. А. Кригер, Борьба с хищениями социалистического имущества, «Юридическая литература», 1965, стр. 138; Г. Ф. Поленов, Ответственность за преступления против порядка управления, «Юридическая литература», 1966, стр. 26.

¹ «Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г.», ЛГУ, 1962, стр. 271.

физическим насилием, характеризующим насильственный грабеж. Вместе с тем усилия, применяемые при «рывке», не могут во всех случаях рассматриваться как физическое насилие.

Решая вопрос об отнесении усилий, применяемых грабителем для изъятия имущества, к физическому насилию, необходимо исходить из конкретных обстоятельств совершения преступления. При этом можно выделить две типичные ситуации: 1) когда виновный оказывает непосредственное воздействие на тело потерпевшего, соприкасаясь с ним, например, отнимая сумку, выкручивает пальцы или выворачивает руку потерпевшего, и 2) когда совершающий «рывок» не соприкасается с телом потерпевшего, а воздействует лишь на предмет похищения, например, взявшись за ручку сумки, выдергивает сумку из руки потерпевшего.

В первом случае налицо насильственное похищение имущества, поскольку виновный осуществляет различные по характеру действия: оказывает механическое воздействие на тело потерпевшего и совершает похищение имущества.

Во второй ситуации имеет место ненасильственное похищение имущества, поскольку усилия представляют собой именно те действия, которыми осуществляется похищение имущества. При отнятии имущества у потерпевшего этими действиями последнему может быть причинена физическая боль или вред здоровью. Однако в рассматриваемом случае усилия прямо не направлены на это. Они не являются самостоятельными действиями, посягающими на телесную неприкосновенность или здоровье человека и отличными от похищения имущества, а умысел виновного прямо не направлен на причинение вреда этим благам потерпевшего.

Физическое же насилие при насильственном грабеже всегда представляет собой самостоятельное действие, отличающееся от похищения имущества. Насилие и похищение имущества в этом случае осуществляются различными телодвижениями. Умысел грабителя прямо направлен и на похищение имущества, и на телесную неприкосновенность или свободу потерпевшего.

Это положение полностью подтверждается судебной практикой, не признающей «рывок» грабежом, соединенным с насилием. Так, по ч 1 ст 145 УК РСФСР квалифицированы действия Коряжина В. М., сорвавшего с руки гр-ки Ведерниковой часы¹, Симонова В. С., вырвавшего из

рук гр-ки Филоченковой хозяйственную сумку с деньгами и продуктами¹, Аркадьева В. С., сорвавшего с руки гр-на Строгова часы², и действия других грабителей, совершавших «рывки», выразившиеся также в воздействии лишь на предмет похищения³.

Если «рывком», не связанным с непосредственным воздействием на тело потерпевшего, последнему причиняются телесные повреждения, то действия виновных должны быть квалифицированы по совокупности преступлений по ч. 1 ст. 145 УК РСФСР и статье того же УК, предусматривающей ответственность за преступление против личности, либо по соответствующим статьям УК других союзных республик.

Как ненасильственный грабеж должны рассматриваться действия преступника, выражающиеся в похищении одежды с пьяного, когда прилагаются усилия, чтобы раздеть его. В этих случаях усилия, так же как и при «рывке», не являются насилием. В частности, суд не усмотрел физического насилия в действиях Иванова В. И. и Аймалетдинова Х. И., которые днем на станции Востряково подошли к спавшему в кустах около железнодорожной платформы пьяному гр-ну Насонову, сняли с него пиджак и брюки и присвоили находившиеся в кармане пиджака деньги в сумме 35 руб.⁴

Таким образом, физическое насилие первого вида характеризуется любым физическим (в большинстве случаев механическим) воздействием на телесную неприкосновенность человека, которое осуществляется действиями, прямо направленными на причинение вреда этому благу личности, независимо от того, повлекло ли это воздействие физическую боль, телесные повреждения или нет.

Отнесение воздействия на внутренние органы потерпевшего без повреждения внешних телесных покровов ко второму виду физического насилия также является спорным⁵.

¹ Архив народного суда Ленинского района Москвы, дело № 1-1090, 1962 г.

² Архив Московского областного суда, дело № 22-6207, 1962 г.

³ Архив народного суда Ленинского района Москвы, дела № 1-596, 1962 г.; № 1-684, 1962 г.; № 1-1160, 1960 г.

⁴ Архив народного суда Ленинского района Москвы, дело № 1-1157, 1962 г.; см также постановление Президиума Верховного Суда Литовской ССР по делу Зимица И. А. и Сергеева Г. И., «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1957 г. № 6, стр. 38; определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу Васильевой и др., «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1963 г. № 4, стр. 10—11.

⁵ Следует отметить, что в ряде работ, в которых упоминается о физическом насилие, этот вопрос не ставился вообще (см. Д. Мень-

¹ Архив Верховного Суда РСФСР, дело № 82 01-41, 1961 г.

В теории советского уголовного права этот вопрос рассматривается лишь применительно к составам преступлений разбоя и грабежа. Профессор А. А. Пионтковский, проф. В. Д. Меньшагин, А. Филимонова, А. К. Щедрина не считают физическим насильем воздействие на внутренние органы потерпевшего без затрагивания внешних телесных покровов. Наиболее полно эта точка зрения высказана А. К. Щедриной: «Однако нельзя квалифицировать как разбой похищение имущества, которому предшествовало приведение потерпевшего в бессознательное состояние с помощью различного рода наркотических средств или алкоголя. Так, не будет разбоя в случае, если потерпевшему виновный незаметно подсыпал снотворного в пищу, а затем, воспользовавшись его сном, обворовал. Такие преступные действия следует рассматривать как кражу. Но такого рода действия квалифицируются как кража лишь при условии, что при даче одурманивающих средств не было применено насилие и что насилие не было применено к потерпевшему в то время, когда он находился в бессознательном состоянии»¹.

Таким образом, А. К. Щедрина, относя рассматриваемые действия к краже, а не к разбою², не признает дачу одурманивающих средств насильем.

Уяснение сущности таких действий связано с уточнением понятий одурманивающих средств и дачи этих средств.

К одурманивающим средствам следует отнести наркотические вещества (терьяк, ананшу, морфий и др.), а также некоторые другие средства (например, набутал, люминал), введение которых в организм человека в значительных дозах может повлечь бессознательное состояние потер-

---

шагин, цит. работа, стр. 248; «Советское уголовное право. Часть Особенная», изд-во ЛГУ, 1959, стр. 220; К. И. Удалых, Уголовная ответственность за разбой по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан», «Ученые записки ВЮЗИ», вып. VII, М., 1959, стр. 98—99; «Советское уголовное право. Часть Особенная», т. 1, М., 1960, стр. 253—254; С. С. Степичев, цит. работа, стр. 49—50; П. Михайленко, Р. Тевлин, указ. работа, стр. 46, 54—55).

¹ А. К. Щедрина, указ. работа, стр. 23; см. также А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, указ. курс, стр. 722—723; А. Филимонова, указ. работа, стр. 203; М. П. Михайлов, указ. работа, стр. 129.

² По действующему законодательству — разбой и грабеж, соединенный с насильем.

певшего. К таким средствам не могут быть отнесены алкогольные напитки, поскольку они обладают специфическими вкусовыми качествами и незаметная дача их потерпевшему практически исключается. Свойства одурманивающих веществ подавляющему большинству людей неизвестны, вследствие чего, как правило, невозможно ощутить их проникновение в организм.

Под дачей одурманивающих средств, которую можно рассматривать как физическое насилье, понимается введение этих средств в организм потерпевшего против его воли, незаметно для него. Добровольное принятие человеком одурманивающих средств не может рассматриваться как дача этих средств и не является физическим насильем. Поэтому дача одурманивающих средств предполагает, что они не ощущаются потерпевшим при проникновении в организм и что они подсыпаны в пищу, в табак, распылены по помещению незаметно для потерпевшего и против его воли.

Введенные в организм человека наркотические вещества оказывают вредное воздействие непосредственно на внутренние органы: головной мозг, кровеносную, нервную системы и т. д.

Применяющий в преступных целях такие средства стремится опохнуть, одурманить потерпевшего и дает их ему в увеличенных дозах, вредных для организма человека. Но введение в организм даже небольших доз наркотических веществ может причинить вред здоровью.

Общественная опасность применения наркотических веществ подтверждается и уголовноправовыми нормами, содержащимися в ст. ст. 224 и 225 УК РСФСР и в соответствующих статьях УК других союзных республик, согласно которым признается преступлением изготовление, хранение, сбыт наркотических веществ, посев южной маньчжурской, южной чуйской конопли, опийного мака и индийской конопли. Специальным объектом этих преступлений является здоровье населения. Эти нормы введены законодателем для того, чтобы предупредить применение и употребление таких веществ, уберечь здоровье людей от их воздействия.

Таким образом, законодатель признает, что применение наркотических веществ наносит вред здоровью людей.

Такое же воздействие на организм могут оказать и некоторые другие средства (например, люминал), специально

не предназначенные для того, чтобы одурманить человека. Однако они могут быть использованы для этой цели и причинить вред здоровью потерпевшего, если введены в организм в значительных дозах.

По нашему мнению, дача одурманивающих веществ, приводящих человека в бессознательное состояние, представляет собой насиллие, так как оказывает вредное воздействие на организм человека против его воли.

Дача таких веществ с целью завладения имуществом является средством завладения, поскольку направлена на подавление сопротивления потерпевшего и осуществляется для того, чтобы парализовать его волю к сопротивлению. Находясь в бессознательном состоянии, потерпевший лишен возможности, способности оказать сопротивление завладению имуществом.

Похищение имущества, которому предшествовало приведение потерпевшего в бессознательное состояние при помощи одурманивающих веществ, представляет большую степень общественной опасности, чем те же действия без применения этих веществ.

Рассматриваемое деяние представляет собой внутренне связанные посягательства на отношения личной собственности и личность, а поэтому должно квалифицироваться как разбой, если примененные средства опасны для жизни или здоровья.

Предлагая квалифицировать такое деяние как кражу, А. К. Щедрина не учитывает посягательства на личность потерпевшего, которое фактически остается ненаказанным.

Правильно отмечает А. Н. Игнатов, что такое деяние является «внешне скрытой формой нападения, соединенного с насиллием, и должно квалифицироваться как разбой»¹.

До издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» ст. 176 УК Украинской и ст. 231 УК Узбекской ССР предусматривали повышенную ответственность за похищение чужого имущества посредством приведения потерпевшего в бессознательное состояние. Это деяние каралось еще более строго, если оно было совершено путем применения средств, опасных для жизни и здо-

¹ А. Н. Игнатов, Уголовная ответственность за разбой по действующему советскому уголовному законодательству, канд. диссертация, МГУ, 1952, стр. 124.

ровья потерпевшего¹. С изданием упомянутого Указа эти статьи утратили силу. Действующие УК союзных республик не содержат статей, специально предусматривающих ответственность за похищение имущества посредством приведения потерпевшего в бессознательное состояние дачей одурманивающих и иных средств. Поэтому такое деяние должно рассматриваться как разбой, если примененные средства представляют опасность для жизни или здоровья потерпевшего. Форма же нападения (открытая или тайная) на квалификацию разбоя по действующему законодательству не влияет, поскольку не является элементом этого состава преступления.

Нельзя квалифицировать рассматриваемое деяние, когда одурманивающие средства не опасны для жизни, как кражу с применением технических средств, ибо последние могут быть применены лишь к неодушевленным предметам.

Сказанное позволяет прийти к выводу, что, во-первых, похищение имущества посредством приведения потерпевшего в бессознательное состояние дачей одурманивающих веществ, опасных для жизни или здоровья, является разбоем и, во-вторых, дача таких средств, приводящая потерпевшего в бессознательное состояние и осуществленная противоправно против воли последнего, представляет собой воздействие на внутренние органы человека, а следовательно, является физическим насиллием.

К физическому насиллию следует отнести и дачу потерпевшему против его воли ядовитых или отравляющих веществ. Применение этих веществ причиняет значительный вред здоровью человека, и поэтому признание насиллием дачи ядовитых или отравляющих веществ не должно вызывать сомнений.

Таким образом, к физическому насиллию второго вида следует относить противоправное воздействие на организм

¹ Представляет интерес решение рассматриваемого вопроса в уголовных кодексах Народной Республики Болгарии и Социалистической Республики Румынии. Эти кодексы специально выделяют в качестве одного из видов насильственного завладения имуществом приведение потерпевшего в бессознательное состояние. Статья 184 УК НРБ гласит: «Грабеж имеет место и тогда, когда с целью совершения кражи потерпевший был приведен в бессознательное состояние». В ст. 530 УК СРР указано, что совершает разбой «тот, который берет вещь у лица, предварительно доведя его наркотическими или другими средствами до состояния, в котором оно не может защищаться или выразить свою волю».

человека, осуществленное посредством дачи против его воли ядовитых, отравляющих или одурманивающих веществ, могущих причинить вред здоровью или смерть.

§ 2. Физическое насилие, опасное для жизни или здоровья

Наряду с вопросами отграничения физического насилия от ненасиловленного действия, важным и актуальным для практики является вопрос отграничения физического насилия, опасного для жизни или здоровья, от насилия, не представляющего опасности для этих благ личности.

При установлении степени интенсивности насилия во всех случаях необходимо определить, являлось ли оно опасным для жизни или здоровья потерпевшего в момент его применения.

Опасным для жизни является физическое насилие, применение которого может вызвать наступление смерти потерпевшего, а опасным для здоровья — применение которого может причинить вред здоровью.

Для квалификации преступления, сопряженного с насилием, важно определить, являлось ли насилие опасным для жизни или здоровья. При этом не возникает необходимости отграничивать физическое насилие, опасное для жизни, от насилия, представляющего опасность только для здоровья. Вместе с тем при назначении наказания такое разграничение имеет существенное значение.

Определяя, являлось ли физическое насилие опасным для жизни или здоровья или нет, необходимо оценивать примененное насилие как по его последствиям, так и по способу действия. Для признания насилия опасным для жизни или здоровья необходимо, чтобы оно характеризовалось как таковое либо по способу действия, либо по наступившим последствиям.

В ряде опубликованных работ по советскому уголовному праву в качестве критерия, разграничивающего физическое насилие, опасное для жизни или здоровья, и насилие, не представляющее опасности для этих благ человека, признается лишь причиненное этим насилием последствие. Так, А. К. Щедрина, определяя физическое насилие, опасное для жизни и здоровья, отмечает: «К такому виду физического насилия относится причинение потерпевшему смерти или тяжкого телесного повреждения или причинение легкого

телесного повреждения, не опасного для жизни, но причинившего расстройство здоровья»¹.

Это в принципе правильное положение является, однако, недостаточно полным, поскольку содержит оценку степени опасности насилия для жизни и здоровья только по причиненным последствиям. Вместе с тем физическое насилие, не повлекшее никаких последствий или причинившее лишь легкое телесное повреждение без расстройства здоровья, может представлять опасность для здоровья и даже для жизни в момент его применения. Например, осужденный за разбой Акишин А. С. совместно с двумя неустановленными лицами напал на гр-на Мосунова, порезал ножом ему руку, причинив легкие телесные повреждения без расстройства здоровья, и отнял у него часы². Преступление, совершенное Акишиным, квалифицировано правильно, поскольку примененное им физическое насилие представляло опасность для здоровья и даже жизни потерпевшего. Действительно, более глубокое ранение руки могло вызвать расстройство здоровья, а нанесение удара этим же ножом в грудь — причинить потерпевшему смерть.

Иллюстрацией физического насилия, опасного для жизни или здоровья, является, например, ситуация, когда виновный засыпает потерпевшему глаза песком или табаком. Такое насилие безусловно опасно для здоровья, так как может повлечь повреждение оболочки глаза. Однако медицинское вмешательство — своевременное промывание глаза и т. п. — может исключить последствие в виде телесного повреждения. Примером насилия, опасного для жизни в момент применения, но не повлекшего никаких телесных повреждений, может служить удар ножом в живот, когда нож попал в металлическую пряжку ремня потерпевшего.

Таким образом, при разграничении физического насилия, опасного для жизни или здоровья человека, и насилия, не опасного для этих благ, нельзя исходить только из причиненных насилием последствий (лишения жизни или расстройства здоровья), ибо в ряде случаев насилие, не повлекшее таких последствий, может представлять опасность для жизни или здоровья потерпевшего в момент его применения. Поэтому при определении опасности физического

¹ А. К. Щедрина, цит работа, стр. 33, А. А. Пионтовский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права. Особенная часть, т. 1, Госюриздат, 1955, М. Б. Гугучия, указ работа, стр. 61.

² Архив Верховного Суда РСФСР, дело № 98-п2-пр, 1962 г.

насилия для названных благ личности необходимо оценивать примененное насилие не только по последствиям, но и по способу действия.

Для следственной и судебной практики важное значение имеет установление признаков, при наличии которых физическое насилие всегда опасно для жизни или здоровья потерпевшего. Определение такого насилия позволит сузить круг вопросов, представляющих трудности на практике, ограничив этот круг установлением степени опасности насилия, не являющегося безусловно опасным для жизни или здоровья, но могущего представлять такую опасность в зависимости от конкретных обстоятельств совершенного преступления.

Решая вопрос, является ли физическое насилие опасным для жизни или здоровья человека, необходимо прежде всего оценить это насилие по причиненным им последствиям.

Не вызывает сомнений, что всегда опасным для жизни является в первую очередь физическое насилие, которым причинена смерть потерпевшему.

Определение опасности для жизни либо для жизни или здоровья физического насилия, повлекшего тяжкие телесные повреждения (в УК Эстонской ССР они именуется особо тяжкими телесными повреждениями) связано с рассмотрением понятия тяжкого телесного повреждения, данного в законе.

Согласно ч. 1 ст. 108 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик тяжкие телесные повреждения определяются как, во-первых, опасные для жизни или, во-вторых, повлекшие за собой потерю зрения, слуха или какого-либо органа либо утрату органом его функций, душевную болезнь или иное расстройство здоровья, соединенное со стойкой утратой трудоспособности не менее чем на одну треть, или повлекшее прерывание беременности, либо выразившееся в неизгладимом обезображении лица.

Ознакомление с перечисленными признаками позволяет сделать вывод, что физическое насилие, имевшее своим последствием тяжкое телесное повреждение, во всех случаях является опасным для жизни или здоровья потерпевшего. Каждый из указанных в законе признаков тяжкого телесного повреждения характеризует вред, причиненный здоровью человека. Следовательно, само физическое насилие, повлекшее такие последствия, в момент применения не может быть не опасным для здоровья человека.

Вопрос о том, может ли являться физическое насилие повлекшее тяжкое телесное повреждение, всегда опасным для жизни потерпевшего, связан с определением опасных для жизни телесных повреждений, содержащимся в Правилах определения степени тяжести телесных повреждений, предусмотренных Уголовным кодексом РСФСР 1960 г. В них указывается: «К опасным для жизни повреждениям относятся такие, которые при обычном их течении заканчиваются смертью или когда они создают для потерпевшего угрозу смерти. Иногда, особенно при оказании медицинской помощи, такие повреждения могут иметь и благополучный исход и не влекут за собой никаких тяжелых последствий, поэтому опасность для жизни повреждения может быть только в момент его нанесения»¹.

Для определения опасности физического насилия для жизни человека особенно важным является приведенное указание, что «опасность для жизни повреждения может быть только в момент его нанесения».

Физическое насилие, повлекшее менее тяжкие телесные повреждения или легкие телесные повреждения с кратковременным расстройством здоровья, всегда является опасным для здоровья потерпевшего.

Действующий закон² определяет менее тяжкие³ телесные повреждения как не опасные для жизни и не являющиеся тяжкими повреждениями, но вызвавшие длительное расстройство здоровья или значительную стойкую утрату трудоспособности менее чем на одну треть. В ст. 102 УК Украинской ССР не предусмотрен признак значительной стойкой утраты трудоспособности, а в ст. 108 УК Эстонской ССР назван третий признак — утрата какого-либо мало-важного органа или его функций.

Под длительным расстройством здоровья понимаются такие последствия повреждений, как заболевание или нарушение функций какого-либо органа длительностью свыше четырех недель⁴.

Под значительной стойкой утратой трудоспособности

¹ «Советская юстиция» 1961 г. № 13, стр. 28

² См. ст. 109 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик.

³ В соответствующих статьях УК Украинской, Казахской и Латвийской союзных республик такие повреждения именуется телесными повреждениями средней тяжести, а по УК Эстонской и Узбекской ССР — тяжкими телесными повреждениями.

⁴ «Советская юстиция» 1961 г. № 13, стр. 30.

понимается вызванная повреждением утрата трудоспособности от 15% до 33% включительно¹.

Под утратой какого-либо маловажного органа или его функций следует понимать отделение такого органа от тела человека или лишение этого органа возможности выполнять свойственные ему функции.

Все названные признаки, характеризующие менее тяжкое телесное повреждение, выражают вред, причиненный здоровью человека. Это и позволяет сделать вывод о безусловной опасности для здоровья физического насилия, повлекшего такие телесные повреждения.

Часть 1 ст. 112 УК РСФСР и соответствующие статьи УК большинства союзных республик предусматривают в качестве последствий легкого телесного повреждения кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности. УК Эстонской ССР помимо этих последствий в ч. 2 ст. 112 указывает и кратковременную утрату трудоспособности. Уголовные кодексы Украинской и Грузинской союзных республик соответственно в ч. 1 ст. 106 и ч. 1 ст. 112 предусматривают последствия в виде кратковременной утраты трудоспособности (УССР) и незначительной или нестойкой утраты трудоспособности (Грузинская ССР).

Под кратковременным расстройством здоровья понимаются такие последствия повреждения, как заболевание или нарушение функции какого-либо органа продолжительностью не менее семи дней, но не свыше четырех недель².

Незначительной стойкой утратой трудоспособности являются последствия повреждения, вызвавшие стойкую утрату трудоспособности менее 15%³.

В качестве кратковременной утраты трудоспособности следует понимать утрату трудоспособности на срок не менее семи дней.

Поскольку в названной статье УК Грузинской ССР признаки незначительной и нестойкой утраты трудоспособности разделены союзом «или», постольку законодатель, видимо, подразумевает, что незначительная утрата трудоспособности должна быть стойкой.

Нестойкая же утрата трудоспособности равнозначна кратковременной утрате трудоспособности.

¹ «Советская юстиция» 1961 г. № 13, стр. 30.

² Там же.

³ Там же.

Таким образом, кратковременное расстройство здоровья, незначительная стойкая или кратковременная или нестойкая утрата трудоспособности в результате нанесения телесного повреждения представляют собой вред здоровью человека. Поэтому физическое насилие, повлекшее такие последствия, является безусловно опасным для здоровья потерпевшего в момент его применения.

Вместе с тем физическое насилие, в том числе и опасное для жизни или здоровья потерпевшего, не всегда влечет рассмотренные последствия. Поэтому важно выделить физическое насилие, представляющее опасность для этих благ человека, из всего круга насильственных действий, не повлекших смерть потерпевшего или перечисленные телесные повреждения. Это возможно сделать посредством оценки насилия по способу действия.

Оценивая таким образом физическое насилие, всегда опасным для жизни или здоровья потерпевшего, следует признать насилие с применением оружия или предметов, объективно заменяющих оружие.

Применение оружия к человеку всегда направлено на причинение ему физического вреда в виде лишения жизни или причинения телесных повреждений. Применения оружия к внешним покровам человеческого тела, невозможно предусмотреть и рассчитать степень вреда здоровью или жизни, который при этом может быть причинен. Это позволяет сделать вывод, что физическое насилие с применением оружия всегда представляет опасность для жизни или здоровья потерпевшего.

Такой вывод находит подтверждение и в судебной практике по делам о разбоях, поскольку понятие насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, предусматривается именно в нормах о разбое. Например, в заголовке опубликованного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу Александра Исакова, Муслума, Козловского и Чубревича, осужденных по пп. «а» и «б» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР, указано: «Нападение с целью завладения личным имуществом граждан с применением оружия квалифицируется как разбой, а не грабеж» (разрядка наша.—Л. Г.)¹. Это указание равнозначно признанию насилия с применением оружия, опасным для жизни или здоровья человека.

Во всех случаях опасным для жизни или здоровья является также физическое насилие с использованием пред-

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1962 г. № 7, стр. 7.

метов, объективно заменяющих оружие. К последним следует отнести предметы, которые не являются оружием в указанном смысле, но которыми при воздействии на внешние покровы тела человека может быть причинен физический вред в виде лишения жизни или нанесения телесных повреждений. Такими предметами являются гладкоствольные охотничьи ружья, кухонные ножи, топоры, камни и т. п. При воздействии этими предметами на организм человека физический вред может быть причинен в той же мере, как и при воздействии на организм оружием.

Правильность отнесения физического насилия с применением предметов, объективно заменяющих оружие, к насилию, опасному для жизни или здоровья потерпевшего, подтверждается судебной практикой.

Насильственные посяательства на собственность, когда виновный с целью завладения имуществом применяет предметы, объективно заменяющие оружие, квалифицируются как разбой, а не как грабеж. Известно, что разбой характеризуется насилием, опасным для жизни или здоровья, и этим отличается от грабежа, при котором насилие не представляет опасности для этих благ человека. Квалификация указанных действий как разбоя поэтому равнозначна признанию насилия с использованием предметов, объективно заменяющих оружие, опасным для жизни или здоровья. Как разбой квалифицированы действия Макарова и Кременецкого, которые в апреле 1962 года напали с целью завладения имуществом на гр-ку Швецову, и Макаров имевшимся у него металлическим прутом ударил ее по голове и сорвал с руки часы¹. Осужденный по другому делу Комков П. В. 18 марта 1962 г., имея при себе двухствольное охотничье ружье и следуя на лыжах вдоль полотна железной дороги, напал с целью завладения фотоаппаратом на гр-ку Курбанову, которая вместе с другими девушками находилась на лыжной прогулке. Направив на Курбанову ружье, Комков потребовал, чтобы она передала ему фотоаппарат, а когда потерпевшая с подругами стала удаляться, не выполнив этого требования, он выстрелил в нее, но промахнулся. Действия его были квалифицированы по совокупности преступлений по ст. 15 и ст. 102, пп. «а», «д» и «з» и ст. 146, ч. 2, п. «б», УК РСФСР².

Следовательно, насилие, примененное как к Курбано-

вой, так и к Швецовой, было признано судом опасным для жизни и здоровья.

Также всегда опасным для жизни или здоровья человека является физическое насилие, осуществляемое общепризнанным способом. Таковым является способ применения насилия, во-первых, опасный одновременно для многих лиц, или, во-вторых, опасный для любого отдельного человека.

К первому виду общепризнанного способа относятся взрыв, поджог, крушение поезда и т. п. Ко второму виду следует отнести применение ядовитых или отравляющих веществ, душение, сбрасывание человека с высоты, столкновение с движущегося транспорта или под движущийся транспорт, натравливание собак и тому подобные действия. К этому же виду общепризнанного способа можно отнести и рассмотренное ранее физическое насилие с применением оружия или других предметов, объективно заменяющих оружие.

Совершение взрыва, поджога, крушения поезда и других действий, связанных с причинением смерти или вреда здоровью значительному числу людей, несомненно, представляет опасность для жизни или здоровья даже в тех случаях, когда фактического вреда находившимся при этом людям причинено не было.

Применение ядовитых или отравляющих веществ также во всех случаях представляет опасность для названных благ человека. Такие вещества всегда опасны для организма человека и могут причинить смерть или расстройство здоровья. Объективно всякое ядовитое или отравляющее вещество при введении в организм причиняет смерть или серьезное расстройство здоровья. В зависимости от количества введенного вещества и особенностей организма физический вред может быть большим или меньшим. Однако независимо от степени причиненного в результате применения ядовитых или отравляющих веществ фактического вреда физическое насилие в виде применения таких веществ всегда опасно для жизни или здоровья человека.

Душение, нанесение ударов в важные незащищенные органы человека (глаза, промежности) всегда представляет опасность для жизни или здоровья человека, поскольку может причинить смерть или серьезное расстройство здоровья, а вред в момент применения такого насилия невозможно рассчитать.

Физическое насилие, например столкновение под движущийся транспорт или с движущегося транспорта, сбрасы-

¹ Архив Верховного Суда РСФСР, дело № 81-02-259, 1962 г.

² Архив Московского областного суда, дело № 2-289, 1962 г.

вание человека с высоты и другие действия, связанные с использованием виновным сил природы или источников повышенной опасности, также является всегда опасным для жизни или здоровья потерпевшего, так как влечет, как правило, смерть или причинение вреда здоровью. Эту позицию занимает и судебная практика. Например, Поплавский В. Т., Фомин В. Л. и Волгин Е. Д. 7 февраля 1962 г. согласились подвезти на автомашине гр-на Сафронова, а в пути следования отобрали у него деньги в сумме 118 руб., бутылку ликера и высадили его из машины. Сафронов попытался остановить машину, но Волгин, управлявший автомобилем, поехал прямо на него. Сафронов отскочил в сторону. Тогда Поплавский, стоя на подножке, толкнул потерпевшего под заднее колесо движущейся машины. Колесо проехало по левой ноге Сафронова, в результате чего ему были причинены менее тяжкие телесные повреждения. Действия виновных были квалифицированы как разбой¹. Суд тем самым признал насилие, примененное к Сафронову, опасным для жизни или здоровья. Если бы Сафронову и не было причинено никаких повреждений, действия виновных также следовало квалифицировать как разбой, так как примененное к нему с целью удержания похищенного имущества физическое насилие — столкновение под движущимся транспорт — всегда опасно для жизни или здоровья в момент его применения, независимо от наступивших последствий.

Суммируя изложенное, следует признавать безусловно опасным для жизни или здоровья потерпевшего физическое насилие, повлекшее смерть, тяжкие, менее тяжкие или легкие телесные повреждения, предусмотренные ч. 1 ст. 112 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, а также совершенное общепонятным способом (в частности, с применением оружия или предметов, заменяющих оружие).

Физическое насилие, не являющееся во всех случаях опасным для жизни или здоровья, в зависимости от конкретных обстоятельств совершения преступления также может представлять опасность для этих благ личности. Так, нанесение побоев, повлекших легкие телесные повреждения без расстройства здоровья, т. е. предусмотренные ч. 2 ст. 112 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, не является насилием, опасным для жизни или здоровья. Однако при определенных обстоя-

тельствах нанесения побоев эта опасность существует. Например, Львов Г. С. и Князев А. К. 12 августа 1961 г. напали с целью завладения имуществом на гр-на Белова, жестоко избили его и похитили у него наручные часы и 38 рублей денег. Белову были причинены легкие телесные повреждения без расстройства здоровья и без утраты трудоспособности. В этом случае оценка конкретных обстоятельств (жестокое избиение потерпевшего) дала возможность коллегии признать физическое насилие, примененное к Белову, опасным для жизни или здоровья и квалифицировать действия преступников как разбой¹.

Не всегда является опасным для жизни или здоровья физическое насилие с применением одурманивающих веществ. Но в некоторых случаях такое насилие представляет опасность. В этих случаях при оценке опасности физического насилия для жизни или здоровья необходимо учитывать количество и качество примененных одурманивающих веществ, а также причиненные последствия.

При определении опасности физического насилия, которое не является всегда опасным, необходимо учитывать все обстоятельства совершения конкретного преступления.

§ 3. Угроза применения насилия

Угроза применения насилия — это запугивание другого человека применением к нему физического насилия.

Для признания угрозы психическим насилием необходимо наличие ряда признаков, взятых в совокупности. Отсутствие какого-либо из этих признаков исключает возможность признания угрозы психическим насилием.

Признаки, характеризующие угрозу, можно подразделить на общие и особенные. Общие признаки необходимы для любой угрозы насилием. Особенности признаки характеризуют угрозу как элемент конкретного состава преступления. Конкретные признаки позволяют отличить угрозу насилием, опасным для жизни или здоровья, от угрозы убийством или нанесением тяжких телесных повреждений и от угрозы насилием, не опасным для жизни или здоровья, угрозу при разбое или грабеже — от угрозы при вымогательстве.

Общих признаков угрозы применения насилия два. Первым признаком наличия угрозы является факт запугивания потерпевшего применением физического на-

¹ Архив Верховного Суда РСФСР, дело № 4-02-5, 1962 г.

¹ Архив Московского областного суда, дело № 22-6575, 1962 г.

сил и я. Угроза причинения потерпевшему какого-либо иного ущерба, не связанного с применением физического насилия, не может быть признана угрозой применения насилия.

В этой связи нельзя согласиться с мнением, высказанным проф. М. М. Гродзинским, что к угрозе физическим насилием «должны быть приравнены угрозы, содержащие в себе страдания поджогом, взрывом или иным общеопасным повреждением имущества»¹.

В большинстве случаев действительно такая угроза таит в себе запугивание физическим насилием, поскольку поджог, взрыв или иной общеопасный способ повреждения имущества влечет человеческие жертвы. Однако с точки зрения закона такие угрозы следует признавать психическим насилием лишь тогда, когда они содержат запугивание причинением физического вреда. В иных случаях при такой угрозе отсутствует посягательство на личность.

Вторым признаком угрозы применения насилия является ее действительность, а не мнимость. При определении действительности угрозы необходимо руководствоваться субъективным критерием со стороны потерпевшего и преступника. Это обусловлено самой природой угрозы как психического насилия и означает, что потерпевший должен воспринимать угрозу как реально осуществимую, равнозначную физическому насилию, а виновный должен это сознавать.

Как правило, не требуется наличия оснований опасаться осуществления угрозы. Исключением является лишь угроза убийством или нанесением тяжких телесных повреждений, предусмотренная ст. 207 УК РСФСР и соответствующими статьями УК союзных республик, когда законодатель связывает угрозу с наличием реальных оснований опасаться ее осуществления. Реальная осуществимость такой угрозы представляет особенный признак, свойственный только психическому насилию в смысле ст. 207 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик.

Другим особенным признаком является момент предполагаемой осуществимости угрозы. Этот признак позволяет отличить угрозу при разбое или грабеже от угрозы при вымогательстве. Угроза при разбое или грабеже должна быть наличной, т. е. преступник должен угрожать не-

медленным применением насилия. Вымогательство характеризуется угрозой применения насилия в будущем, в случае, если потерпевший не выполнит обращенного к нему требования вымогателя.

Третьим особенным признаком угрозы является ее интенсивность. Установление степени интенсивности угрозы позволяет отграничить угрозу применения насилия при разбое от угрозы насилием при грабеже, дает возможность определить, представляет ли угроза запугиванием смертью или нанесением тяжких телесных повреждений или нет. Последнее обстоятельство имеет значение для квалификации угрозы по ст. 207 или ч. 1 ст. 193 УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик, а в других случаях для назначения наказания, соразмерного содеянному.

Наличие общих признаков угрозы применения насилия в сочетании с теми или другими особенными признаками характеризует ее общественную опасность и противоправность.

Практическим работникам органов охраны общественного порядка, прокуратуры и суда важно знать критерии, позволяющие отграничить угрозу насилием, опасным для жизни или здоровья потерпевшего, от угрозы насилием, не опасным для этих благ человека, угрозу убийством или нанесением тяжких телесных повреждений от угрозы насилием меньшей степени интенсивности.

Разграничение этих видов угрозы представляется возможным при рассмотрении форм (способов) выражения угрозы.

Угроза может быть выражена демонстрацией оружия, словесно, жестами, действиями, самой обстановкой совершения преступления. В зависимости от того, каким способом и насколько конкретизированно выражается угроза, она может носить определенный или неопределенный характер.

Угроза, выраженная демонстрацией оружия, всегда носит определенный характер, так как, применяя то или иное оружие (пистолет, кинжал, кастет), можно причинить смерть или тяжкие телесные повреждения. Поэтому такая угроза всегда является психическим насилием, содержащим запугивание смертью или нанесением тяжких телесных повреждений. Например, Иванов В. А. и Быков В. А. напали с целью завладения имуществом на гр-на Короткова. Иванов приставил к груди потерпевшего финский нож, а Быков сорвал часы и похитил другие вещи. Квалифици-

¹ «Уголовный кодекс советских республик», под ред. С. Канарского, Киев, 1924, стр. 385.

ровав это деяние как разбой, суд признал психическое насилие, примененное к Короткову, опасным для жизни или здоровья. Помимо этого, в приговоре было отмечено, что угроза финским ножом представляет угрозу причинением потерпевшему смерти или тяжких телесных повреждений¹.

Аналогично следует оценивать и угрозу, выраженную демонстрацией предметов, используемых в качестве оружия. К ним следует отнести как предметы, объективно заменяющие оружие, так и макеты оружия (пистолет-пугач и др.), которыми нельзя причинить реального физического вреда человеку. Угроза, выраженная демонстрацией предметов, используемых в качестве оружия, обычно воспринимается потерпевшим как угроза настоящим оружием, на что и рассчитывает преступник. Поэтому такая угроза представляет запугивание насилем, всегда опасным для жизни или здоровья. Это находит подтверждение и в судебной практике. Так, за разбой были осуждены Старостин Н. Ф. и Корнев Н. Ф., которые под угрозой ножей отобрали у гр-ки Юрасовой деньги и авторучку². По этой же статье УК были осуждены Вырелкин и Тырин, отобравшие под угрозой игрушечного пистолета у гр-на Алексева сверток, в котором находилось пальто³. Таким образом, психическое насилие, примененное к потерпевшим в указанных случаях, признавалось судами опасным для жизни или здоровья.

Следует отметить, что угроза предметами, объективно заменяющими оружие, т. е. предметами, которыми можно причинить другому человеку реальный физический вред, всегда является угрозой смертью или нанесением тяжких телесных повреждений. Угроза же макетами оружия является угрозой насилем, опасным для жизни или здоровья, во всех тех случаях, когда потерпевший принимает макеты за настоящее оружие.

Угроза макетами оружия не может быть признана угрозой убийством или нанесением тяжких телесных повреждений по ст 207 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, так как эти нормы предусматривают обязательное наличие оснований опасаться реального осуществления угрозы.

Угроза применения физического насилия, выраженная словесно, так же как и угроза жестами, обычно носит определенный характер.

Наличие определенности выражения угрозы дает возможность четко установить, каким вредом угрожает виновный, а следовательно, степень интенсивности психического насилия: является ли оно угрозой насилем, опасным для жизни или здоровья, в частности угрозой убийством или нанесением тяжких телесных повреждений, либо оно представляет угрозу применения насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего.

При словесной угрозе преступник, как правило, точно называет вред, которым он грозит (например, «убью», «зарезу», «зарублю», «кошелек или жизнь»). Так, Авдеев и Сучков на платформе железнодорожной станции «Львовская» напали с целью завладения имуществом на гр-на Степанова и, угрожая ему «порезать и сбросить с платформы», отобрали две поллитровых бутылки водки¹. Словесная угроза, примененная Алексеевым, Авдеевым и Сучковым, явилась психическим насилем, опасным для жизни или здоровья потерпевшего.

Из словесной угрозы обычно усматривается, причинением какого физического вреда преступник конкретно угрожает. Если преступник угрожает потерпевшему причинением смерти, тяжких, менее тяжких телесных повреждений или иного вреда здоровью, то налицо психическое насилие, опасное для жизни или здоровья. Не вызывает сомнений, что угроза «откусить палец» или «отрезать нос» — это психическое насилие, опасное для здоровья потерпевшего, а «сбросить с движущегося поезда» — опасное для жизни, представляющее угрозу убийством или причинением тяжких телесных повреждений. Вместе с тем угроза «связать» является угрозой применения насилия, не опасного для жизни или здоровья.

Угроза насилем, выраженная словесно, может быть и неопределенной по своему характеру, когда из существа этой угрозы и сопутствующих ей обстоятельств не видно, каким по интенсивности насилем угрожает преступник, например, когда он грозит «разделаться» с потерпевшим. При такой угрозе можно предполагать запугивание физическим насилем, как опасным, так и не опасным для жизни или здоровья потерпевшего. Однако такая угроза (естественно, если ей сопутствует требование передать имущество потерпевшего или стремление преступника удержать уже похищенное имущество) всегда содержит в себе запуги-

¹ Архив Московского областного суда, дело № 4164, 1962 г.

² Архив Верховного Суда РСФСР, дело № 4-02-17, 1962 г.

³ Архив Московского областного суда, дело № 44у-214, 1962 г.

¹ Архив Верховного Суда РСФСР, дело № 5-Д2-96, 1962 г.

вание насилем, по меньшей мере не опасным для жизни или здоровья.

Поскольку же преступник несет ответственность за совершенные, а не предполагаемые действия, постольку неопределенная словесная угроза применением насилия должна рассматриваться как покушение на грабеж, сопряженный с насилем, если преступник не завладел чужим имуществом, или грабеж, соединенный с насилем, если преступнику удалось завладеть имуществом потерпевшего, но не как разбой. Например, по ч. 2 ст. 145 УК РСФСР квалифицированы действия Припадычева Ю. Ф. и Шуняева Б. А., которые с лежавшего пьяного гр-на Антонова сняли пиджак, свитер, наручные часы и похитили 40 рублей денег. Когда потерпевший пытался оказать сопротивление грабителям, последние говорили ему «лежи и молчи, а то разделаемся с тобой»¹.

Установление степени интенсивности угрозы, выраженной жестами, не вызывает затруднений. Так, обхват преступником руками собственной шеи, соединенный с требованием денег у потерпевшего, выражает угрозу задушить и поэтому является психическим насилем, опасным для жизни потерпевшего.

Угроза, выраженная жестами, может носить и неопределенный характер, например, когда преступник показывает кулак потерпевшему и сопровождает свои действия требованием передачи имущества.

Неопределенная угроза жестами может предполагать запугивание насилем, как опасным, так и не опасным для жизни или здоровья. Поэтому такая угроза (как и неопределенная угроза, выраженная словесно) должна рассматриваться как угроза насилем, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего. Будучи сопряжена с требованием передачи имущества или со стремлением преступника удержать уже похищенное имущество, такая угроза дает основание квалифицировать деяние как покушение на грабеж, соединенный с насилем, или как оконченный насильственный грабеж в зависимости от отсутствия или наличия факта завладения имуществом.

Угроза насилем может быть выражена и действием, которое само по себе представляет физическое насилие, не опасное для жизни или здоровья потерпевшего. Однако это

не всегда означает, что преступник применил лишь данное физическое насилие, ибо такое действие может являться способом выражения угрозы насилем, опасным для жизни или здоровья. Так, подталкивание потерпевшего в тамбуре вагона движущегося поезда к двери, совершенное из хулиганских побуждений или соединенное с требованием передачи имущества, представляет собой угрозу насилем, опасным для жизни или здоровья потерпевшего, а деяние должно рассматриваться как хулиганство, сопряженное с исключительной дерзостью, или как разбой.

Угроза действием может носить как определенный, так и неопределенный характер. В примере с подталкиванием потерпевшего в тамбуре к двери вагона движущегося поезда угроза действием выражена вполне определенно. Вместе с тем когда угроза действием, представляющим физическое насилие, не опасное для жизни или здоровья, выражается неопределенно, то налицо лишь данное физическое насилие.

Угроза насилем может выражаться самой обстановкой совершения преступления. Например, грабитель с ружьем за спиной или с пистолетом за поясом, не угрожая непосредственно оружием потерпевшему, ночью в уединенном месте останавливает последнего и требует от него передачи имущества. В этом случае обстановка совершения преступления может представлять собой угрозу насилем, опасным для жизни или здоровья, а может и не представлять. Наличие или отсутствие угрозы зависит от того, воспринимает ли потерпевший данную обстановку как угрозу или нет и рассчитывает ли преступник запугать потерпевшего такой обстановкой или нет. Если потерпевший воспринимает эту обстановку как угрозу, а преступник рассчитывает на это, то деяние должно рассматриваться как разбой с применением оружия. При этом угроза представляет собой запугивание смертью или нанесением тяжких телесных повреждений и является угрозой применения насилия, опасного для жизни или здоровья. Если данная обстановка не воспринимается потерпевшим в качестве угрозы или преступник не рассчитывает на эту обстановку как на угрозу, то деяние должно рассматриваться как ненасильственный грабеж.

Вопрос о наличии или отсутствии угрозы, выраженной обстановкой совершения преступления, должен решаться на основании анализа всех материалов конкретного уголовного дела.

¹ Архив народного суда Ленинского района Москвы, дело № 1-1053, 1962 г.

Насилие может быть применено к потерпевшему с использованием оружия или предметов, заменяющих оружие. Совершая насильственные преступления, виновные нередко используют пистолеты, ружья, финские ножи, кинжалы, кастеты, перочинные и столовые ножи, а также другие предметы, которыми, как и оружием, можно причинить человеку смерть, телесные повреждения либо запугать его причинением такого вреда. При этом преступники проявляют особую дерзость, пренебрежение к ценнейшим благам другого человека.

Применение при совершении преступления оружия или других предметов, заменяющих оружие, грозит потерпевшему значительно большим вредом, чем насилие без использования оружия или таких предметов, свидетельствует о существенно большей общественной опасности деяния и увеличивает интенсивность насилия, всегда доводя его до степени опасного для жизни. Поэтому неправильно квалифицированы по ч. 2 ст. 117 и ч. 2 ст. 145 УК РСФСР действия Волгина, который напал на гр-ку Канищеву, сбил ее с ног и под угрозой ножа изнасиловал, а затем также под угрозой ножа ограбил, забрав из хозяйственной сумки деньги в сумме 1 р. 50 к. Обосновывая свое решение, Раменский городской народный суд указал в приговоре, что «квалификация преступления является правильной, ибо сопровождалось оно с применением ножа»¹. Однако именно применение ножа свидетельствует об опасности насилия для жизни и здоровья. Угроза ножом, как и угроза любым оружием или предметом, используемым в качестве оружия, с целью завладения личным имуществом граждан всегда представляет психическое насилие, опасное для жиз-

ни или здоровья, и должна квалифицироваться как разбой по п. «б» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР, а не как грабеж по ч. 2 ст. 145 УК РСФСР.

Оружие или предметы, заменяющие оружие, могут быть применены для оказания на потерпевшего как физического, так психического насильственного воздействия.

В связи с высокой степенью общественной опасности преступлений, совершаемых с применением оружия или предметов, заменяющих его, действующее уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик содержит ряд норм, предусматривающих повышенную ответственность за совершение таких деяний. При этом преследуется цель исключить наличие оружия у граждан, не имеющих специального разрешения на право пользования им, а также максимально сократить возможности применения оружия и предметов, заменяющих его, при совершении отдельных видов преступлений, например разбоя, хулиганства.

§ 1. Понятие оружия

Под оружием понимаются предметы, предназначенные или приспособленные исключительно для поражения живой цели, для причинения смерти или телесных повреждений, не имеющие иного хозяйственного назначения, и при этом предметы, для права пользования которыми и ношения которых требуется, как правило, специальное разрешение органов МВД.

Уголовный закон (ст. 218 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик) предусматривает запрет на ношение, хранение, изготовление или сбыт огнестрельного оружия (кроме гладкоствольного охотничьего)¹, а также на ношение, изготовление или сбыт кинжалов, финских ножей или иного холодного оружия без соответствующего разрешения. Запрет на ношение, изготовление и сбыт холодного оружия не распространяется лишь на те местности, где ношение холодного оружия является принадлежностью национального костюма или связано с охотничьим промыслом.

Статья 218¹ УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик предусматривают ответствен-

¹ Согласно ч. 1 ст. 220 УК Азербайджанской ССР и ч. 1 ст. 232 УК Армянской ССР запрет не распространяется на любое охотничье оружие, а в соответствии с ч. 1 ст. 229 УК Киргизской ССР — на любое гладкоствольное оружие.

¹ Архив Московского областного суда, дело № 22-5314.

ность за хищение огнестрельного оружия (кроме гладкоствольного охотничьего) Это деяние, осуществленное путем разбойного нападения или особо опасным рецидивистом, а по УК Украинской ССР — еще и повторно или по предварительному сговору группой лиц, отнесено к числу тяжких преступлений. По УК всех союзных республик к лицу, совершившему хищение огнестрельного оружия повторно или по предварительному сговору группой лиц, а по УК союзных республик (кроме УК УССР) — также к лицу, совершившему такое хищение, когда огнестрельное оружие было выдано ему для служебного пользования или вверено под охрану, условно-досрочное освобождение может быть применено лишь по отбытии не менее двух третей срока наказания. К лицам, совершившим это деяние путем разбойного нападения, условно-досрочное освобождение не применяется вообще.

Статья 77 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик предусматривают ответственность за организацию вооруженных банд с целью нападения на государственные, общественные учреждения или предприятия либо на отдельных лиц, а равно участие в таких бандах и в совершаемых ими нападениях. Признак вооруженности имеет в данном случае существенное значение и влияет на установление законодателем уголовной ответственности уже со стадии организации банд, имеющих оружие.

В соответствии с п. «б» ч. 2 ст. ст. 91 и 146 УК РСФСР разбой является квалифицированным, если он совершен с применением оружия или других предметов, используемых в качестве оружия.

Согласно ч. 3 ст. 206 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик хулиганство признается особо квалифицированным, если совершено с применением или попыткой применения огнестрельного оружия либо ножей, кастетов или иного холодного оружия, а равно других предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений.

Пунктом 9 ст. 34 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и соответствующими статьями уголовных кодексов всех союзных республик в качестве одного из отягчающих обстоятельств предусматривается совершение преступления общеопасным способом. Разновидностью общеопасного способа является применение оружия.

Таким образом, законодатель достаточно разносторонне и дифференцированно предусматривает запрет на хранение, ношение, изготовление, сбыт, а также приготовление или применение огнестрельного или холодного оружия либо предметов, его заменяющих.

В общепринятом смысле понятием огнестрельного оружия охватываются пистолеты, револьверы, винтовки, автоматы, охотничьи ружья и тому подобные предметы.

Вместе с тем, устанавливая запрет на совершение тех или иных действий с оружием, законодатель относит к огнестрельному оружию различные предметы. Это зависит от цели, которую преследует уголовноправовая норма.

Уголовноправовой запрет, содержащийся в ч. 1 ст. 218 УК РСФСР и в соответствующих статьях УК других союзных республик, распространяется на хранение, ношение, изготовление или сбыт не любого огнестрельного оружия при отсутствии специального разрешения органов МВД.

По УК РСФСР и УК большинства союзных республик такое запрещение не распространяется на гладкоствольное охотничье оружие. Это обусловлено специальным назначением последнего. Гладкоствольное охотничье оружие используется, как правило, для охоты, в связи с чем его хранение, ношение, изготовление или сбыт признаются правомерными. Необходимо, чтобы оружие было одновременно и охотничьим и гладкоствольным. При отсутствии хотя бы одного из этих признаков хранение, ношение, изготовление или сбыт огнестрельного оружия преступны.

По Уголовным кодексам Азербайджанской и Армянской союзных республик правомерным признается совершение перечисленных действий с любым охотничьим оружием независимо от того, является оно гладкоствольным или нарезным, а по УК Киргизской ССР — с любым гладкоствольным охотничьим и иным оружием.

Указывая на признак вооруженности при бандитизме, на наличие оружия при квалифицированном разбое и особо квалифицированном хулиганстве, законодатель не ограничивает круг предметов, являющихся огнестрельным оружием, лишь теми предметами, на хранение, ношение, изготовление или сбыт которых требуется специальное разрешение.

Понятие холодного оружия содержится в ч. 2 ст. 218 УК РСФСР и соответствующих статьях УК других союзных республик. Согласно этим статьям к холодному оружию относятся кинжалы, финские ножи и иное холодное оружие.

Часть 3 ст. 206 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик относит к холодному оружию также кастеты. Следует отметить, что до издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство» в уголовном законе при определении холодного оружия отсутствовало специальное указание на кастеты. Судебная практика и ранее относала кастеты к холодному оружию¹.

Под иным холодным оружием, о котором говорится в ч. 2 ст. 218 УК РСФСР, следует понимать предметы, которые обладают, как кинжалы и финские ножи, колющими, режущими и колюще-режущими свойствами (штык, сабля, ножи типа кинжалов и финок и т. п.), а также обладают бьющими свойствами и предназначены или приспособлены исключительно для поражения живой силы, для причинения смерти или телесных повреждений (например, кастеты). Так, по пп. «а», «б» и «д» ч. 2 ст. 146 и ч. 2 ст. 218 УК РСФСР осужден Филов, совершивший с применением кастета совместно с другими лицами ряд разбойных нападений с целью завладения личным имуществом граждан².

Закон не указывает на какой-либо определенный способ изготовления оружия. Поэтому оружием должно признаваться любое огнестрельное (кроме гладкоствольного охотничьего) и любое холодное оружие независимо от того, изготовлено оно кустарно (самодельное оружие) или на заводе.

В отдельных случаях к применению оружия законом приравнивается применение при совершении преступлений определенных предметов, заменяющих оружие.

Предусматриваются две отличающиеся друг от друга группы таких предметов:

1) предметы, используемые в качестве оружия при совершении разбоя с целью завладения государственным или общественным имуществом либо личным имуществом граждан;

2) специально приспособленные для нанесения телесных повреждений предметы, которые преступник применяет или пытается применить при совершении хулиганства.

Понятия предметов как первой, так и второй группы являются новыми в советском уголовном законодательстве.

§ 2. Понятие предметов, используемых при разбое в качестве оружия

Понятие предметов, используемых при разбое в качестве оружия, введено в 1960 году и предусмотрено только Уголовным кодексом РСФСР в п. «б» ч. 2 ст. 91 и п. «б» ч. 2 ст. 146 и УК Туркменской ССР в п. «б» ч. 2 ст. 92. В УК других союзных республик это понятие отсутствует.

Разбой, совершенный с применением таких предметов, является квалифицированным. Применением этих предметов потерпевшему может быть причинен такой же вред, как и применением оружия. Степень интенсивности насилия с использованием предметов столь же высока, сколь и при использовании оружия. Цель разбоя — завладение чужим имуществом — может быть достигнута преступником одинаково эффективно посредством применения как оружия, так и других предметов, используемых в качестве оружия.

К таким предметам должны быть отнесены, во-первых, любые предметы, объективно заменяющие оружие и могущие причинить смерть или телесные повреждения потерпевшему (например, перочинные ножи, бритвы, топоры, лопаты, камни, палки), и, во-вторых, макеты оружия, т. е. предметы, имеющие внешнее сходство по форме с оружием (например, пистолет-зажигалка, игрушечный пистолет-пугач). Так, по пп. «а», «г» и «е» ст. 102 и пп. «а» и «б» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР осуждены Кожевников и Старцева, совершившие разбойное нападение и убийство Мелиозеровой, которой они нанесли удары топором по голове¹. По п. «б» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР осужден Рязанцев, который совершил разбойное нападение на Стародубову и Чост. Угрожая им кухонным ножом, он потребовал отдать часы, а в ответ на отказ сорвал часы с руки Стародубовой². За разбой, совершенный с применением предметов, используемых в качестве оружия, осужден Евграфов, напавший с целью завладения имуществом на Лакееву, ударивший ее камнем по голове и потребовавший часы³. По пп. «а»

¹ Архив Верховного Суда РСФСР, дело № 82-р-13.

² Архив Верховного Суда РСФСР, дело № 18-02-23.

³ Архив Московского областного суда, дело № 2-286, 1962 г.

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР, 1946», вып. X (XXXIV), Юриздат, 1947, стр. 29—31.

² Архив Московского городского суда, дело № 2-152, 1962 г.

и «б» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР квалифицированы действия Кабанова и Чайванова, которые, угрожая металлической расческой, отобрали у Каревой сумку, в которой находились деньги и вещи¹.

Однако не совсем точно квалифицированы действия Короткова и Митина, осужденных Верховным Судом Удмуртской АССР по п. «а» ч. 2 ст. 146 и п. «а» ст. 102 УК РСФСР. Коротков и Митин, будучи направлены Сарапульской автоконторой в г. Псков на ремонт автобусов, в поезде по пути следования от станции Агрыз по предварительному сговору совершили разбойное нападение на Насибуллина и убили его. Совершая преступление, Коротков ударил потерпевшего домкратом по голове, а Митин наносил ему удары деревянным брусом. Убив Насибуллина, осужденные взяли у него из чемодана пуховую шаль, пол-литра водки, ключи и запасные части от мотовоза². Действия Короткова и Митина следовало квалифицировать еще и по п. «б» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР, так как домкрат и деревянный брусок использовались виновными как орудия причинения смерти.

Г. Л. Кригер относит к предметам, используемым при разбое в качестве оружия, только предметы, действительно способные причинить тяжкий вред личности. По ее мнению, угроза макетом пистолета, зажигалкой в форме пистолета или другими предметами, которые воспринимаются в качестве оружия лишь потерпевшим, а в действительности реальной опасности для жизни и здоровья не представляют, при отсутствии других отягчающих обстоятельств должна квалифицироваться по ч. 1 ст. 91 или ч. 1 ст. 146 УК РСФСР³.

В. Н. Кудрявцев, разделяющий эту точку зрения, пишет: «Действия преступника (совершающего разбой с макетом оружия.— Л. Г.) остаются лишь угрозой применить насилие, опасное для жизни потерпевшего, причем угрозой, которая фактически не может быть реализована. Виновный в этих случаях рассчитывает исключительно на психологический эффект. Для простого разбоя этого достаточно, но для квалифицированного разбоя этого мало»⁴.

¹ Архив народного суда Ленинского района Москвы, дело № 1-209.

² Архив Верховного Суда РСФСР, дело № 43-р2-20.

³ Г. Л. Кригер, Ответственность за разбой, «Советская юстиция» 1962 г. № 13, стр. 14.

⁴ В. Н. Кудрявцев, Письма с комментариями, «Советская юстиция» 1962 г. № 24, стр. 25.

На этой же позиции стоит Верховный Суд РСФСР. В п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г. № 31 «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» отмечается, что «под другими предметами, используемыми в качестве оружия (п. «б» ч. 2 ст. 91 и п. «б» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР), следует понимать предметы, которыми могут быть причинены потерпевшему телесные повреждения, опасные для жизни и здоровья (бритва, топор, ломик, дубинка и т. п.). Если виновный угрожал заведомо негодным оружием или имитацией оружия, например макетом пистолета, игрушечным кинжалом и т. д., не намереваясь использовать эти предметы для причинения телесных повреждений, опасных для жизни и здоровья, его действия (при отсутствии отягчающих обстоятельств) следует квалифицировать как разбой, предусмотренный ч. 1 ст. 91 или ч. 1 ст. 146 УК РСФСР»¹.

Представляется, что такая точка зрения не соответствует смыслу закона.

Предусматривая в нормах о разбое угрозу насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, законодатель не указывает, что эта угроза должна быть реально осуществимой. Он исходит из самой природы угрозы как психического насилия. Поэтому степень интенсивности угрозы при насильственном завладении имуществом должна определяться не объективным критерием (реальной опасностью угрозы для жизни и здоровья), а субъективным критерием. Угроза насилием, опасным для жизни или здоровья, имеет место постольку, поскольку она представляется таковой потерпевшему и это сознается преступником, который рассчитывает на данную угрозу как достаточную, чтобы сломить сопротивление потерпевшего завладению имуществом или удержанию уже похищенного имущества. В тех же случаях, когда законодатель имеет в виду реально осуществимую угрозу, он специально это оговаривает в диспозиции закона (например, в диспозиции ст. 207 УК РСФСР). Вследствие этого не вызывает сомнений, что угроза макетом оружия, принимаемым потерпевшим за настоящее оружие, представляет угрозу насилием, опасным для жизни или здоровья потерпевшего. В. Н. Кудрявцев и Г. Л. Кригер при определении степени интенсивности психического насилия, выразившегося в угрозе макетом оружия, руководствуются субъективным критерием и в этой части правильно приходят к такому же выводу.

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1966 г. № 6, стр. 3.

В законе не указано, что предметы, используемые при разбое в качестве оружия, должны объективно обладать свойствами настоящего оружия. В связи с этим вопрос о признании таких предметов, когда они применяются при психическом насилии, предметами, используемыми в качестве оружия, также должен решаться, исходя из природы психического насилия, на основании субъективного критерия. Поэтому макет оружия, которым виновный при совершении разбоя угрожает потерпевшему, следует относить к предметам, используемым в качестве оружия, тогда, когда потерпевший не подозревает об их фиктивности, на что и рассчитывает преступник. В. Н. Кудрявцев и Г. Л. Кригер, не относящие макеты оружия к предметам, используемым в качестве оружия, допускают непоследовательность выбора критерия. При определении степени интенсивности психического насилия с применением макетов оружия они руководствуются субъективным критерием, а при решении вопроса об отнесении макетов оружия к предметам, используемым в качестве оружия, — объективным критерием. Необходимо и в том и в другом случае руководствоваться только одним критерием — субъективным.

При оценке степени общественной опасности разбоя, развившегося в угрозе макетом оружия, следует исходить из того, что разбой является преступлением против личной собственности граждан, а не преступлением против личности. Целью разбоя является завладение имуществом, а насилие или угроза его применения представляют собой лишь средство достижения этой цели, ради которой и совершается данное преступление. Поэтому общественная опасность угрозы применения насилия при разбое, в том числе и угрозы макетом оружия, зависит не от того, осуществима ли эта угроза в действительности, а от того, насколько эффективно она служит цели завладения имуществом, преодолению сопротивления потерпевшего. Так, угроза макетом пистолета, принимаемым потерпевшим за настоящий пистолет, способна эффективнее сломить его сопротивление завладению имуществом или удержанию уже похищенного имущества и представляет большую степень общественной опасности, нежели угроза камнем или палкой, являющаяся реально опасной для жизни или здоровья. И камень, и палка относятся к предметам, используемым при разбое в качестве оружия. Следовательно, исходя из степени общественной опасности, к таким предметам необходимо относить и макеты оружия, применяемые при психическом насилии.

Отмечая, что субъект разбоя, применяющий при психическом насилии подлинное оружие или предметы, его заменяющие, представляет большую степень общественной опасности, нежели субъект разбоя, применяющий макеты оружия, В. Н. Кудрявцев аргументирует это положение тем, что применяющий макет оружия не намерен причинить серьезного вреда потерпевшему. Однако, используя при психическом насилии настоящий заведомо не заряженный или не пригодный к стрельбе пистолет, совершающий разбой также не намерен причинить серьезного вреда потерпевшему. В то же время незаряженный пистолет всегда является оружием, а пистолет, не пригодный к стрельбе, предметом, используемым в качестве оружия. Субъект разбоя, угрожающий макетом оружия, представляет такую же степень общественной опасности, что и субъект, угрожающий незаряженным пистолетом или пистолетом, не пригодным к стрельбе. Это также свидетельствует о необходимости отнесения макетов оружия, применяемых при психическом насилии, к предметам, используемым в качестве оружия.

Следует отметить, что в ряде случаев макеты оружия, не обладающие свойствами того оружия, с которым они схожи по форме, могут быть использованы для причинения реального физического вреда потерпевшему. Например, игрушечный пистолет, изготовленный из олова, может выполнить роль бьющего холодного оружия, когда преступник, не преодолев сопротивления потерпевшего посредством угрозы этим пистолетом, наносит им удары потерпевшему по голове.

До издания постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г. № 31 «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» судебная практика относила макеты оружия, которыми угрожает совершающий разбой, к предметам, используемым в качестве оружия. Так, Загорский городской народный суд осудил по пп. «а» и «б» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР Вырелкина и Тырина, которые возле станции Хотьково напали на Алексеева и под угрозой игрушечного пистолета, принятого потерпевшим за настоящий, отобрали у него сверток с пальто. Судебная коллегия по уголовным делам и президиум Московского областного суда оставили этот приговор в силе, признав тем самым игрушечный пистолет предметом, используемым при разбое в качестве оружия¹.

¹ Архив Московского областного суда, дело № 44у-214.

Закон не связывает применение при разбое предметов, используемых в качестве оружия, со временем и местом их приобретения преступником. Поэтому такими предметами следует признать как те, которые были заготовлены преступником заранее, так и те, которые оказались случайно у преступника на месте совершения преступления. При этом не имеет значения, были предметы специально приспособлены для нанесения телесных повреждений или нет. Так, по пп. «б» и «в» ч. 2 ст. 146 и пп. «а» и «г» ст. 102 УК РСФСР осужден Ионов, который пришел в квартиру своей знакомой Манжелла и попросил у нее взаймы 5 рублей, а в ответ на отказ схватил с ящика, стоявшего в коридоре, разводной гаечный ключ и нанес им Манжелла по голове и лицу более 30 ран, от которых потерпевшая тут же скончалась. Затем Ионов вошел в комнату и из дамской сумочки Манжелла похитил 8 рублей денег¹. Ягунов совершил разбойное нападение на Баранова, похитил его часы, а затем, ударив строительными носилками, «которые случайно оказались на берегу», убил и сбросил его в реку². Назаев напал с целью завладения личными вещами на Николаева и совершил убийство последнего, нанеся ему удары по голове доской, которую подобрал по пути. После убийства он похитил костюм, часы и другие вещи³. И Ягунов, и Назаев осуждены по совокупности преступлений за убийство из корыстных побуждений и с особой жестокостью и за разбой, совершенный с применением предметов, используемых в качестве оружия. В приведенных примерах разводной гаечный ключ, строительные носилки и доска были признаны предметами, используемыми при разбое в качестве оружия, хотя они и не были специально заготовлены преступниками, а были подобраны каждым из них в момент совершения преступления как случайно оказавшиеся на месте преступления.

Для признания предметов используемыми в качестве оружия необходимо, чтобы они были применены при совершении разбоя, а не просто находились у потерпевшего. Квалификация разбоя по п. «б» ч. 2 ст. 91 или 146 УК РСФСР предполагает применение преступником либо та-

ких предметов, либо оружия. Под применением оружия или других предметов следует понимать воздействие или попытку воздействия ими на организм потерпевшего.

При физическом насилии применение оружия или других предметов должно представлять воздействие или попытку воздействия ими на тело человека. Воздействие может выражаться либо в непосредственном соприкосновении оружия или предметов, его заменяющих, с телом потерпевшего, например при нанесении ударов топором, ножом, кастетом, рукояткой пистолета, либо в опосредствованном, например при выстреле из пистолета. При попытке воздействия оружие или другие предметы не соприкасаются с телом потерпевшего, например, при выстреле из пистолета, когда преступник промахивается. Нельзя согласиться с мнением, высказанным Г. Л. Кригер, что «выстрел из пистолета в сторону потерпевшего», не причинивший в итоге никакого вреда его здоровью, при наличии других признаков разбоя следует квалифицировать по ч. 1 ст. 91 или ч. 1 ст. 146 УК РСФСР¹. Выстрел из пистолета, произведенный виновным при совершении разбоя, представляет собой применение оружия независимо от того, причинен ли при этом потерпевшему какой-либо физический вред или нет, и должен квалифицироваться по п. «б» ч. 2 ст. 91 или ст. 146 УК РСФСР. Наличие же у виновного пистолета свидетельствует и о ношении им огнестрельного оружия. Поэтому действия преступника, совершившего разбой при обстоятельствах, сформулированных Г. Л. Кригер, должны быть квалифицированы по совокупности преступлений по п. «б» ч. 2 ст. 91 или п. «б» ч. 2 ст. 146 и ч. 1 ст. 218 УК РСФСР.

При психическом насилии применение оружия или других предметов, используемых в качестве оружия, должно представлять собой воздействие на психику потерпевшего. Это воздействие выражается в демонстрации (показе) преступником оружия или других предметов потерпевшему для того, чтобы сломить его волю к сопротивлению.

Демонстрация оружия или других предметов, используемых в качестве оружия, может сопровождаться использованием их же и для осуществления физического насилия над потерпевшим.

¹ Архив Верховного Суда РСФСР, дело № 56-р2-15, 1962 г.

² Архив Московского городского суда, дело № 2-22, 1962 г.

³ Архив Московского городского суда, дело № 2-31, 1962 г.

¹ Г. Кригер, указ. статья, стр. 13.

§ 3. Понятие предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений

Понятие предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений, введено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство». Оно предусмотрено ч. 3 ст. 9 этого Указа и соответствующими статьями УК всех союзных республик, согласно которым обстоятельством, особо квалифицирующим хулиганство, признается совершение этого преступления «с применением или попыткой применения огнестрельного оружия либо ножей, кастетов или иного холодного оружия, а равно других предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений».

Хулиганство, совершенное с применением таких предметов, как и хулиганство, при совершении которого преступник использует оружие, направлено на причинение существенного вреда здоровью человека и представляет собой значительно более высокую степень общественной опасности, нежели хулиганство, при учинении которого не применяются названные предметы или оружие. При этом увеличивается степень интенсивности нарушения общественного порядка и неуважение к обществу в целом дополняется пренебрежительным отношением к здоровью отдельных членов общества.

Понятие предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений, уже понятия предметов, используемых при разбое в качестве оружия. К предметам, специально приспособленным для нанесения телесных повреждений, относятся не любые предметы, используемые при совершении хулиганства.

К таковым относятся предметы, не являющиеся огнестрельным или холодным оружием. На право пользования ими не требуется специального разрешения органов Министерства внутренних дел. Эти предметы могут иметь и, как правило, имеют различное хозяйственное назначение.

Для квалификации деяния по ч. 3 ст. 206 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик необходимо, чтобы использованные преступником при учинении хулиганства предметы были специально приспособлены для нанесения телесных повреждений.

Это означает, что такие предметы должны, во-первых, обладать свойствами, благодаря которым возможно причинить телесные повреждения, во-вторых, быть специально приспособленными для этого и, в-третьих, быть использованными при совершении хулиганства.

Свойствами, благодаря которым возможно причинить человеку телесные повреждения, обладают различные предметы: топоры, молотки, шила, отвертки, металлические болванки, стержни и многие другие. Общим для них является то, что посредством применения любого из них возможно причинить реальный вред здоровью человека в виде телесных повреждений различной тяжести, а также смерть.

Предметы, которыми нельзя причинить человеку реальный физический вред, не могут быть отнесены к специально приспособленным для нанесения телесных повреждений. Поэтому к таковым не могут быть отнесены те макеты оружия, которыми невозможно причинить человеку телесные повреждения.

Необходимым признаком, характеризующим рассматриваемые предметы, является специальное приспособление каждого из них для нанесения телесных повреждений.

Несомненно, что специальным приспособлением являются свойства предмета, полученные в результате приложения определенного труда к нему, изготовление его полностью или частичное изменение его формы, чтобы сделать данный предмет удобным и пригодным для нанесения телесных повреждений человеку. При этом может изготавливаться или приспособляться как предмет в целом, так и любая его часть.

Приспособление предмета может выражаться в различных действиях, в том числе простейших, например в заточке тыльной стороны лезвия ножа, в прикреплении к рукоятке топора или молотка ремешка для одевания на руку, в присоединении к фарфоровой электророзетке шнура для использования в качестве бьющего предмета и т. п.

Представляется, что не имеет значения, сам хулиган или другое лицо изготавливает либо приспособливает предмет, делая его пригодным для нанесения телесных повреждений.

Возможно, что предмет, изготовленный заводским способом для каких-либо хозяйственных целей, уже в первоначальном виде пригоден и для нанесения телесных повреж-

дений. Такими предметами являются перочинные, столовые, кухонные ножи, бритвы, топоры и другие предметы, употребляемые в быту и имеющие определенное хозяйственное назначение. Эти предметы по своим качествам могут быть использованы для нанесения телесных повреждений даже без специального приспособления в виде затраты дополнительного труда на изменение их формы и свойств. Ими в их первоначальном виде объективно возможно нанести человеку телесные повреждения.

Применение таких предметов для причинения вреда человеку столь же опасно, что и применение предметов, специально изготовленных или видоизмененных для этой цели.

Опасность хулигана, взявшего заранее, т. е. до совершения преступления, такие предметы специально для нанесения телесных повреждений столь же велика, что и опасность хулигана, изготовившего или видоизменившего предметы с этой целью.

Указание на специальное приспособление предметов для нанесения телесных повреждений, содержащееся в ч. 3 ст. 9 Указа от 26 июля 1966 г., направлено на усиление борьбы с теми хулиганами, которые заранее, т. е. до совершения преступления, подготавливают предметы для использования при совершении хулиганства.

Поэтому под специальным приспособлением предметов для нанесения телесных повреждений следует понимать как вложение труда в изготовление или видоизменение предмета для последующего применения, так и приготовление, взятие заранее до совершения преступления предметов, пригодных по своим объективным свойствам для нанесения телесных повреждений.

Важно, чтобы виновный сознавал, что такими предметами можно причинить телесные повреждения, и предвидел возможность применения их при совершении хулиганства. Это подтверждается либо изготовлением или видоизменением предмета для последующего применения его при совершении хулиганства либо взятием заранее для этой же цели предмета, который уже в первоначальном виде пригоден для причинения телесных повреждений.

Поэтому совершенно обоснованно в ч. 2 п. 17 постановления Пленума Верховного Суда СССР № 7 от 26 августа 1966 г. указывается: «К предметам, специально приспособленным для нанесения телесных повреждений (ч. 3 ст. 9 Указа), могут быть отнесены и предметы, которые хотя и не подвергались какой-либо предварительной обработке, но

были заранее подготовлены виновным и находились при нем с целью использования при совершении хулиганских действий»¹.

Таким образом, при определении специальной приспособленности предмета для нанесения телесных повреждений необходимо исходить прежде всего из того, что предмет, использованный хулиганом при совершении преступления, находился у виновного заведомо для применения его при учинении хулиганских действий.

Данный предмет должен обладать специальными свойствами поражения живой цели, например, нож, топор, шило, молоток, и при этом иметь определенное хозяйственное назначение.

В ч. 1 п. 17 постановления Пленума Верховного Суда СССР № 7 от 26 августа 1966 г. «Об улучшении деятельности судебных органов по борьбе с преступностью» отмечается, что «хулиганство, совершенное с применением или попыткой применения любого ножа, подлежит квалификации по части третьей статьи 9 Указа от 26 июля 1966 года»².

По поводу этого указания в советской юридической литературе высказаны возражения.

Так, И. Тяжкова полагает, что «в случаях применения перочинных ножей представляется целесообразным предоставить право следователю и суду в каждом конкретном случае решать вопрос о квалификации по ч. 3 ст. 206 в зависимости от обстоятельств дела с учетом особенностей ножа и тяжести причиненного или возможного телесного повреждения»³. «По всей вероятности,— отмечает далее И. Тяжкова,— также целесообразно поступать и при квалификации хулиганских действий с применением кухонных и столовых ножей»⁴.

Комментируя ч. 1 п. 17 упомянутого постановления Пленума Верховного Суда СССР, А. Н. Игнатов отмечает: «Однако указание в этом же постановлении на то, что хулиганство, совершенное с применением или попыткой применения любого ножа, должно квалифицироваться по ч. 3 ст.

¹ «Уголовный кодекс РСФСР», «Юридическая литература», 1968, стр. 218.

² «Уголовный кодекс РСФСР», «Юридическая литература», 1968, стр. 218.

³ И. Тяжкова, Какое хулиганство должно признаваться совершенным с применением оружия, «Советская юстиция» 1967 г. № 18, стр. 19.

⁴ Там же.

206 УК РСФСР, по нашему мнению, расширяет пределы ответственности, предусмотренные законом. Поскольку далеко не каждый нож является холодным оружием, нам представляется, что правовая оценка случаев использования перочинных, кухонных, столовых и т. п. ножей должна основываться на тех же правилах, что и оценка случаев использования любых хозяйственных и бытовых орудий»¹.

Поскольку любой нож независимо от того, с какой целью он употребляется в быту, т. е. является он перочинным, столовым, кухонным и т. п., может быть в первоначальном виде использован для нанесения телесных повреждений, постольку любой нож, не являющийся холодным оружием, следует относить к предметам, специально приспособленным для нанесения телесных повреждений, если он взят хулиганом заранее для использования при совершении преступления. При этом имеет значение не бытовое назначение ножа, а факт взятия его заранее, т. е. до совершения преступления, с целью употребления при совершении хулиганства.

Следует отметить, что для квалификации преступления по ч. 3 ст. 206 УК РСФСР по признаку применения ножа необходимо, чтобы примененный нож, не являющийся холодным оружием, был использован в качестве колюще-режущего оружия. Например, президиум Курганского областного суда переквалифицировал с ч. 3 на ч. 2 ст. 206 УК РСФСР действия Лиханова, который при совершении хулиганства не раскрытым перочинным ножом нанес несколько ударов по голове гр-ну Науменко, причинив ему легкие телесные повреждения, а затем тем же нераскрытым перочинным ножом несколько раз ударил дочь Науменко².

Не могут относиться к специально приспособленным для нанесения телесных повреждений такие предметы, как камни, палки в их первоначальном виде, поскольку они не обладают специальными свойствами поражения живой цели.

Вместе с тем эти предметы могут быть посредством вложения труда приспособлены специально для нанесения телесных повреждений, например камень, которому путем обточки придана определенная форма, или палка, к которой прикреплен металлический наконечник.

¹ А Игнатов, Квалификация должна соответствовать смыслу закона, «Советская юстиция» 1967 г. № 22, стр. 23

² «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1968 г. № 1, стр. 14—15.

Во всех случаях предметы, специально приспособленные для нанесения телесных повреждений, должны быть заготовлены преступником заранее, до совершения хулиганства. Поэтому к ним не следует относить предметы, которые случайно подобраны хулиганом или найдены им в процессе учинения хулиганских действий. Так, по ч. 2 ст. 201 УК БССР квалифицированы действия Бондарева С. Ф., который, проживая в коммунальной квартире, ночью затеял драку с женой, избил ее, нарушив при этом покой жильцов. Когда жильцы соседней комнаты увели жену Бондарева к себе, он ворвался в эту комнату, нецензурно ругаясь. После того, как соседи закрыли дверь комнаты, предварительно выпроводив Бондарева, он подобрал лежавший тут же в кухне топор и бил в дверь. По требованию соседей Бондарев положил топор на место. На предварительном следствии действия Бондарева были квалифицированы по ч. 3 ст. 201 УК БССР как хулиганство с применением предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений. Суд же правильно мотивировал квалификацию деяния по ч. 2 ст. 201 УК БССР тем, что при учинении хулиганских действий подсудимый «топор взял тут же на кухне»¹.

Рассматриваемый вопрос нашел отражение в постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 8 от 19 декабря 1967 г. «О внесении дополнений в постановления Пленума Верховного Суда СССР № 7 от 26 августа 1966 года и № 8 от 3 декабря 1966 года», в котором указано: «Применение или попытка применения предметов, подобранных на месте преступления, которые не были специально приспособлены для нанесения телесных повреждений, в том числе предметов хозяйственно-бытового назначения, не могут рассматриваться как основание для квалификации действий по части 3 статьи 9 Указа от 26 июля 1966 года»².

Указом от 26 июля 1966 г. предусмотрено, что ответственность по ч. 3 ст. 9 наступает, когда преступник при совершении хулиганства применил или пытался применить либо огнестрельное или холодное оружие, либо предмет, специально приспособленный для нанесения телесных повреждений.

¹ Архив народного суда Железнодорожного района г. Витебска, дело № 1-2 1967 г. См. также постановление президиума Ростовского областного суда по делу Кириллова, «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1967 г. № 7, стр. 14—15

² «Советская юстиция», 1968 г. № 3, стр. 25.

При разбое оружие или предметы, используемые в качестве оружия, применяются для физического или психического насилия над потерпевшим. Исходя же из юридической природы хулиганства, оружие или предметы, специально приспособленные для нанесения телесных повреждений, могут быть использованы для физического или психического насилия, а также для уничтожения или повреждения имущества.

Не вызывает сомнений, что применение или попытка применения при совершении хулиганства рассматриваемых предметов имеет место тогда, когда они используются для физического насилия и ими причиняется физический вред потерпевшему или создается возможность причинения такого вреда. Так, народным судом Ленинского района Москвы правильно признаны хулиганством с применением рассматриваемых предметов и квалифицированы по ч. 3 ст. 206 УК РСФСР действия Смородина Ю. М., который, придя в квартиру своей жены — Смородиной Т. В., в присутствии соседей из хулиганских побуждений приставал к ней, наносил оскорбления и побои. Когда Смородина Т. В. закрылась в комнате, Смородин Ю. М. имевшимся у него ломом проломил дверь и бросил лом в жену, но не попал, так как ей удалось отстраниться¹. В приведенном примере виновный применил предмет для физического насилия, создав возможность причинения потерпевшей физического вреда.

В юридической литературе высказаны различные мнения по вопросу применения рассматриваемых предметов для психического насилия.

Профессор В. Ф. Кириченко отмечает: «Применение может состоять также в угрозе оружием и этими предметами, в обнажении оружия с целью оказания устрашающего воздействия, в размахивании оружием и других подобных действиях»².

Иного мнения придерживается И. Тяжкова, полагая, что «при совершении... хулиганских действий представляет опасность лишь реальная угроза (оружием или рассматриваемыми предметами.— Л. Г.). Угроза же, не приведенная в исполнение при возможности ее реализации, не должна квалифицироваться по ч. 3 ст. 206»³.

¹ Архив народного суда Ленинского района г. Москвы, дело № 1-258, 1967 г.

² В. Ф. Кириченко, Об усилении борьбы с хулиганством, «Знание», 1967, стр. 37—38.

³ И. Тяжкова, указ. статья, стр. 18.

Совершенно правильной представляется точка зрения В. Ф. Кириченко. Закон не ограничивает применение или попытку применения оружия или предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений, ни реальным причинением физического вреда, ни реальностью осуществления угрозы. Важно лишь, чтобы предметы были применены или преступник пытался их применить.

Степень опасности применения или попытки применения предметов существенно увеличивается и тогда, когда предметы используются для психического насилия. Потерпевший субъективно воспринимает это как возможность причинения ему серьезного физического вреда. Пресечение хулиганских действий и задержание хулигана в этом случае значительно затрудняется.

Следует отметить, что использование предметов для психического воздействия при хулиганстве может характеризовать, во-первых, применение или попытку применения их только для психического насилия и, во-вторых, попытку применения этих предметов для физического насилия.

Применение предмета только для психического насилия налицо, когда хулиган, имея возможность применить предмет для причинения потерпевшему физического вреда, ограничивается использованием его лишь для выражения угрозы насильем.

Если же в процессе осуществления такой угрозы действия хулигана были пресечены вмешательством посторонних сил, то имеет место либо применение или попытка применения предмета для психического насилия, либо попытка применения его для физического насилия.

На практике использование предметов хулиганом для психического воздействия на потерпевшего признается применением или попыткой применения этих предметов и деяние квалифицируется по ч. 3 ст. 206 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. Например, народный суд Ленинского района Москвы усмотрел применение предметов при совершении хулиганства Ивановым А. С., который при учинении на улице хулиганских действий в отношении гр-ки Цыпленковой А. Д. замахивался на нее имевшимся у него ножом, угрожая расправой. Иванов применил нож исключительно для оказания психического воздействия, поскольку, имея возможность причинить потерпевшей физический вред, не использовал эту возможность.

В другом случае при учинении хулиганских действий Та-

рарышкин Я. С. имевшимся у него кухонным ножом замахнулся на свою жену и с криком «зарезу» бросился на нее, но в этот момент присутствующие с применением физической силы отобрали у него нож¹. В этом случае налицо попытка применения ножа для физического насилия, завуалированная применением психического насилия.

Таким образом, применение или попытка применения предметов для психического воздействия не только воспринимается субъективно потерпевшим как угроза для жизни или здоровья, но и нередко объективно представляет опасность для этих благ человека.

Сказанное позволяет заключить, что применением предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений, следует считать и использование их хулиганом только для психического воздействия на потерпевшего. Применение может выражаться в самых разнообразных действиях, например в размахивании этими предметами, демонстрации их, сопровождающейся словесной угрозой убить, зарезать и т. п.

При учинении хулиганских действий рассматриваемые предметы нередко используются для уничтожения или повреждения имущества.

Не вызывает сомнений, что применением или попыткой применения следует считать такое использование предметов, когда помимо уничтожения или повреждения имущества на потерпевших оказывается физическое или психическое воздействие, как это имело место, например, в упомянутых ранее действиях Смородина Ю. М.

Но на практике возможны случаи, когда предметы, специально приспособленные для нанесения телесных повреждений, используются хулиганом исключительно для уничтожения или повреждения имущества. При решении вопроса об отнесении такого использования предметов к применению или попытке применения необходимо учитывать указание законодателя на специальную приспособленность предметов для нанесения телесных повреждений. Это указание позволяет сделать вывод, что применение или попытка применения предмета должны быть обязательно направлены против человека. Следовательно, использование при совершении хулиганства предмета исключительно для

уничтожения или повреждения имущества не должно, как правило, рассматриваться как применение предмета.

Именно так решается этот вопрос в постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 8 от 19 декабря 1967 г. «О внесении дополнений в постановления Пленума Верховного Суда СССР № 7 от 26 августа 1966 года и № 8 от 3 декабря 1966 года». В постановлении указывается, «что, если применение при совершении хулиганских действий оружия либо других предметов, указанных в части 3 статьи 9 Указа (от 26 июля 1966 г. — Л. Г.) сопровождалось уничтожением или повреждением имущества или совершением иных действий, но не представляло опасности для здоровья граждан, действия виновных не могут квалифицироваться по части 3 статьи 9 Указа от 26 июля 1966 года»¹.

Однако такое решение вопроса может быть применимо в ситуациях, встречающихся на практике весьма редко, например когда хулиган, запершись в своей комнате один, режет ножом вещи, сопровождая свои действия выкрикиванием нецензурных выражений и стуком в стены, отделяющие эту комнату от комнат соседей.

Исходя из юридической природы хулиганства и характера конкретных хулиганских проявлений, имеющих место в действительности, видно, что данное преступление совершается обычно в присутствии других граждан: посторонних лиц, соседей знакомых, родственников. Поэтому когда хулиган применяет или пытается применить в присутствии других людей предметы для уничтожения или повреждения имущества, то своими действиями он может создавать опасность для жизни или здоровья присутствующих. В частности, такая опасность создается всегда, когда хулиган для уничтожения или повреждения имущества использует предметы заменяющие огнестрельное оружие. Опасность для жизни или здоровья людей создается и тогда, когда хулиган в небольшом по площади помещении, например в маленькой комнате, использует для уничтожения или повреждения имущества нож, топор, размахивает этими предметами и может задеть ими кого-либо из присутствующих.

При решении вопроса о применении или попытке применения хулиганом предметов в подобных ситуациях необходимо учитывать, создавалась ли опасность для жизни или

¹ Народным судом Железнодорожного района г. Витебска 5 января 1967 г. по делу № 1-1 Тарарышкин осужден по ч. 3 ст. 201 УК БССР.

¹ «Советская юстиция» 1968 г. № 3, стр. 25.

здоровья людей. Наличие опасности свидетельствует о наличии указанных действий.

Вывод о наличии опасности возможно сделать, оценивая свойства предметов и конкретные обстоятельства совершения преступления (обстановку, размеры помещения, взаимоотношения хулигана с присутствующими и т. д.).

Важное значение имеет предупреждение хулиганства с применением или попыткой применения оружия или предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений. Еще встречаются случаи, когда на предприятиях изготавливается холодное оружие и приспособляются для увеличения поражающей силы отдельные предметы — напильники, ножи и т. п. Поэтому необходимо обращать внимание на такие факты и пресекать их. Прежде всего этим должны заниматься руководители предприятий и отдельных производственных звеньев. В целях усиления бдительности руководителей в настоящее время установлена личная ответственность руководителей предприятий, цехов, смен, производственных участков за факты незаконного изготовления на производстве ножей, кастетов и иного оружия, а также предметов для нанесения телесных повреждений.

В связи с этим в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 26 августа 1966 г. «Об улучшении деятельности судебных органов по борьбе с преступностью» отмечается: «Не оставлять без внимания случаи незаконного изготовления на предприятиях, в цехах, производственных участках различного рода оружия, ножей, кастетов и иных подобных предметов»¹.

В связи с этим при расследовании и рассмотрении в суде дел о хулиганстве, совершенном с применением оружия или предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений, следует устанавливать источник приобретения или изготовления оружия или предметов, выяснять причины и условия, способствующие изготовлению их. Если они изготовлены на производстве, то в отношении руководителей предприятия, цеха, производственного участка, не предупредивших изготовление оружия или предметов, следует направлять в вышестоящие учреждения и организации представления или частные определения для привлечения их к дисциплинарной или иной ответственности.

Физическое или психическое насилие, будучи предусмотрено нормой Особенной части уголовного закона, всегда является элементом, характеризующим объективную сторону состава преступления.

Оно может быть единственным элементом объективной стороны, может выступать наряду с другим неоднородным действием. Объективная сторона насильственного преступления может характеризоваться последствием насилия. Значение насилия может меняться в зависимости от особенностей обстановки совершения преступления. Наконец, насилие может характеризовать объективную сторону покушения на преступление, которое признается оконченным лишь при наличии последствий насилия, например, покушения на убийство.

Физическое насилие само по себе в виде однократного или систематического нанесения побоев является обязательным единственным элементом, характеризующим объективную сторону составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 112 и ст. 113 УК РСФСР. Иные насильственные действия, носящие характер истязания, т. е. причиняющие особенную боль, являются единственным элементом объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 113 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик.

В уголовных кодексах союзных республик (кроме РСФСР и БССР) в качестве обязательного единственного элемента объективной стороны физическое насилие предусмотрено в виде нанесения не только побоев, но также и ударов (удара) или совершения иных насильственных действий, сопряженных с причинением физической боли, осуществляемых как однократно, так и систематически¹.

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1966 г. № 5, стр. 15

¹ Часть 1 и 2 ст. 108 УК Азербайджанской ССР, ст. 110 УК Ар-

Физическое насилие в качестве обязательного единственного элемента, характеризующего объективную сторону, может проявляться в виде незаконного лишения свободы, предусмотренного ч. 1 ст. 126 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик¹.

Психическое насилие также может являться обязательным единственным элементом, характеризующим объективную сторону состава преступления. При этом психическое насилие должно быть весьма высокой степени интенсивности и представлять собой угрозу убийством или нанесением тяжких телесных повреждений², либо угрозу убийством или тяжким насилием³, либо только угрозу убийством⁴, лишением жизни⁵.

Физическое насилие может являться обязательным и единственным элементом, характеризующим покушение на убийство, на нанесение тяжких телесных повреждений. При этом умыслом виновного охватывается не только применение насилия, но и последствия в виде причинения смерти или вреда здоровью.

Физическое насилие является необходимым действием, характеризующим убийство, причинение тяжких, менее тяжких телесных повреждений и легких телесных повреж-

---

мянской ССР, ст. 116 УК Грузинской ССР, ст. 99 УК Казахской ССР, ст. 107 УК Кыргызской ССР, ст. 111 УК Латвийской ССР, ст. 117 УК Литовской ССР, ст. 101 УК Молдавской ССР, ст. 116 УК Таджикской ССР, ст. 118 УК Туркменской ССР, ст. 93 УК Узбекской ССР, ст. 107 УК Украинской ССР и ст. ст. 113, 114 УК Эстонской ССР. Следует отметить, что в диспозициях приведенных статей, предусмотренных УК Грузинской, Азербайджанской, Кыргызской и Литовской союзных республик, отсутствует указание на нанесение ударов.

¹ Части 1 ст. 120 УК Азербайджанской ССР, ст. 130 УК Армянской ССР, ст. 124 УК Белорусской ССР, ст. 133 УК Грузинской ССР, ст. 115 УК Казахской ССР, ст. 126 УК Кыргызской ССР, ст. 125 УК Латвийской ССР, ст. 131 УК Литовской ССР, ст. 116 УК Молдавской ССР, ст. 135 УК Таджикской ССР, ст. 136 УК Туркменской ССР, ст. 111 УК Узбекской ССР, ст. 123 УК Украинской ССР. В УК Эстонской ССР такой состав отсутствует. В диспозициях названных статей УК Казахской ССР и УК Узбекской ССР содержится указание на насильственное незаконное лишение свободы, а в УК Армянской ССР — указание на осуществление такого действия частным лицом.

² Статья 223 УК Армянской ССР, ст. 202 УК Белорусской ССР, ст. 136 УК Грузинской ССР, ст. 216 УК Кыргызской ССР, ст. 205 УК Латвийской ССР, ст. 227 УК Литовской ССР, ст. 219 УК Молдавской ССР, ст. 207 УК РСФСР, ст. 221 УК Таджикской ССР, ст. 237 УК Туркменской ССР.

³ Статья 117 УК Казахской ССР.

⁴ Статья 100 УК Украинской ССР, ст. 101 УК Азербайджанской ССР, ст. 128 УК Эстонской ССР.

⁵ Статья 85 УК Узбекской ССР.

дений с кратковременным расстройством здоровья. Однако в этих случаях оно уже не является обязательным и единственным элементом, характеризующим объективную сторону состава преступления. Таким элементом объективной стороны становится последнее, причиненное насилием. При этом необходимо наличие причинной связи между насилием и его последствием.

Физическое или психическое насилие может быть и единственным обязательным элементом составов разбоя, покушения на грабеж, сопряженный с насилием, покушения на изнасилование. Это имеет место в тех случаях, когда виновный, действуя с целью завладения имуществом, применяет насилие но не похищает имущества потерпевшего, а также когда он, действуя с целью насильственно совершить половой акт, успевает лишь применить насилие, но полового сношения не осуществляет. В отдельных случаях, когда виновный из хулиганских побуждений совершает исключительно насильственные действия над потерпевшим, насилие является единственным действием, характеризующим объективную сторону состава преступления хулиганства.

Объективная сторона ряда составов преступлений характеризуется физическим или психическим насилием и другими действиями, не однородными насилию. При этом насилие может быть обязательным элементом состава преступления, как это имеет место при разбое или грабеже, соединенном с насилием, когда оно сочетается с завладением имуществом, при изнасиловании, когда оно сопряжено с половым сношением. Насилие может представлять собой факультативный элемент, например, при хулиганстве, когда оно сопряжено с другими действиями, грубо нарушающими общественный порядок и выражающимися в нецензурной брани, повреждении имущества и т. д.

Физическое или психическое насилие может характеризовать объективную сторону квалифицированного состава преступления, например, оно характеризует квалифицированный грабеж, квалифицированное сопротивление работнику милиции или народному дружиннику.

Характеризуя объективную сторону состава преступления, простого или квалифицированного, наряду с другим неоднородным действием, физическое или психическое насилие находится с этим действием в причинной связи. В этом заключается внутренняя связь, органическое единство

элементов, образующих объективную сторону конкретного состава преступления.

Насилие может характеризовать объективную сторону состава преступления не только само по себе или вместе с последствием либо с другим неоднородным действием, но и наряду с определенной обстановкой совершения преступления, как это имеет место в составе преступления, предусмотренном ст. 267 УК РСФСР (насилие над населением в районе военных действий). В этом случае насилие является одним из обязательных элементов объективной стороны состава преступления.

Множественность составов преступлений, в которых физическое или психическое насилие выступает в качестве элемента объективной стороны, обуславливается в каждом случае также особенностями объекта, субъективной стороны и субъекта преступления.

В связи с различием в объекте преступления одинаковое по характеру и степени интенсивности насилие характеризует разные составы преступлений, например, при разбое с целью завладения государственным или общественным имуществом и разбое с целью завладения личным имуществом граждан. На различную уголовноправовую оценку насилия оказывают влияние и обстоятельства, характеризующие потерпевшего. Так, угроза убийством, нанесением тяжких телесных повреждений по отношению к должностному лицу, или общественному работнику, примененная в целях прекращения служебной или общественной деятельности или изменения ее характера в интересах угрожающего, или к гражданину в связи с его участием в предупреждении, пресечении преступления или антиобщественного поступка охватывается составом преступления, предусмотренным ч. 1 ст. 193 УК РСФСР, а такая же угроза в отношении любого другого лица — составом преступления, предусмотренным ст. 207 УК РСФСР. В последнем случае необходимо еще и наличие оснований опасаться осуществления этой угрозы. Одинаковое по содержанию и интенсивности насилие в виде побоев и иных насильственных действий в зависимости от обстоятельств, характеризующих потерпевшего, является элементом разных составов преступлений, предусмотренных ст. 113, ч. 2 ст. 193, п. «а» ст. 242 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик.

Существенное значение для уголовноправовой характеристики насилия, как физического, так и психического, име-

ют элементы субъективной стороны. В зависимости от мотива и цели применения насилия оно может быть элементом разных составов преступлений, например хулиганства, разбоя, изнасилования.

В отдельных случаях на уголовноправовое значение насилия оказывают влияние обстоятельства, характеризующие субъекта преступления, его должностное положение, как это имеет место в составах преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 171 и ч. 2 ст. 179 УК РСФСР.

В связи с этим представляет интерес рассмотрение значения насилия или угрозы его применения как элемента составов преступлений против личности, против государственной, общественной либо личной собственности, против порядка управления, а также против общественного порядка и общественной безопасности.

§ 1. Значение насилия как элемента составов преступлений против личности

Преступления против личности, направленные на причинение вреда таким благам человека, как жизнь, здоровье или телесная неприкосновенность, всегда сопряжены с насилием¹.

Формулируя диспозиции большинства норм о насильственных преступлениях, включенных в главу «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности», законодатель в качестве элемента, характеризующего объективную сторону составов этих преступлений, предусматривает не насилие, а причиненные им последствия в виде смерти или телесных повреждений. При этом насилие, не являясь само по себе элементом оконченного состава преступления, может характеризовать покушение на преступление.

Вместе с тем в диспозициях некоторых норм физическое или психическое насилие предусматривается в качестве самостоятельного элемента состава преступления, как это имеет место в нормах о побоях, истязаниях, изнасиловании. В отдельных случаях законодатель относит насилие или характер насильственных действий к квалифициру-

¹ Редчайшим исключением являются случаи убийства, нанесения телесных повреждений по просьбе потерпевшего, когда отсутствует такой признак насилия, как совершение действия против воли потерпевшего. В этих случаях последствия наступают не в результате применения насилия, понимаемого в уголовноправовом смысле.

ющим обстоятельствам, например, особая жестокость или способ, опасный для жизни многих людей, при умышленном убийстве, мучения и истязания при умышленном нанесении тяжких или менее тяжких телесных повреждений. От того, какое значение имеет насилие в том или ином составе преступления, во многом зависит правильная квалификация деяния.

Ответственность за нанесение побоев предусмотрена чч. 1 и 2 ст. 112 УК РСФСР. Уголовные кодексы всех других союзных республик (кроме УК Белорусской ССР) предусматривают ответственность еще и за нанесение удара или иные насильственные действия, причинившие физическую боль¹. Такие действия описываются в диспозициях статей, именуемых «Побои и истязания». В УК Эстонской ССР соответствующая статья называется «Насильственные действия над личностью».

Нанесение удара, побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, представляет собой физическое насилие, выражающееся в механическом воздействии на организм другого человека.

Удар может быть нанесен потерпевшему рукой, ногой, головой и самыми разнообразными предметами. Ударом является и насильственное резкое соприкосновение той или иной части тела потерпевшего с неподвижным твердым предметом, например удар о стену в результате толчка. Удар влечет физическую боль, чем отличается от оскорбления действием, не влекущим боли, например от пощечины перчаткой.

Побои представляют собой множественные удары. Они могут причинять последствия в виде кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности. В этом случае ответственность наступает по ч. 1 ст. 112 УК РСФСР. Побои могут и не влечь последствий, и тогда они квалифицируются по ч. 2 ст. 112 этого УК.

¹ Уголовные кодексы Азербайджанской, Грузинской и Киргизской союзных республик не предусматривают ответственность за нанесение удара. В УК Литовской ССР предусмотрена ответственность за совершение однократного насильственного действия, но не содержится указания на нанесение удара. Уголовные кодексы Латвийской, Молдавской и Узбекской союзных республик устанавливают ответственность за нанесение не удара, а ударов. В УК Азербайджанской и Казахской союзных республик уголовная ответственность за указанные действия наступает лишь после того, как к виновному за совершение аналогичных действий уже были применены меры общественного воздействия.

Иные насильственные действия, причинившие физическую боль, являются множественными (за исключением УК Литовской ССР, предусматривающим однократное насильственное действие). Они могут выражаться в сдавливании частей тела потерпевшего, связывании, сваливании его и в других действиях.

Удары, побои и иные насильственные действия, причинившие физическую боль, могут не оставлять на теле потерпевшего никаких следов или оставлять незначительные ссадины, царапины. Если в результате этих действий причиняются телесные повреждения, то деяние квалифицируется по статье УК, предусматривающей ответственность за нанесение такого повреждения

Всеми уголовными кодексами союзных республик установлена ответственность только за умышленное нанесение ударов, побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль. Неосторожное совершение указанных действий не влечет уголовной ответственности.

Умыслом виновного при нанесении ударов, побоев или совершении иных насильственных действий, причинивших физическую боль, охватывается причинение вреда телесной неприкосновенности и физической боли другому человеку.

В случаях, когда виновный в результате этих действий намеревался причинить потерпевшему смерть или тяжкие телесные повреждения, но желаемые последствия не наступили, то деяние представляет собой соответственно покушение на убийство или покушение на причинение тяжких телесных повреждений. Следует отметить, что на практике почти не встречаются ситуации, при которых удары, побои или иные насильственные действия, не повлекшие других последствий, кроме физической боли, являлись бы формой покушения на убийство или причинение тяжких телесных повреждений.

Ответственность за истязание предусмотрена ст. 113 УК РСФСР. Под истязанием понимается систематическое нанесение побоев или иные действия, носящие характер истязания, если они не повлекли тяжких или менее тяжких телесных повреждений¹.

¹ По УК других союзных республик (кроме УК Белорусской ССР) под истязанием понимается еще и систематическое нанесение ударов или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль. В соответствующих же статьях УК Таджикской, Украинской и Эстонской союзных республик отсутствует указание на систематичес-

Согласно Правилам определения степени тяжести телесных повреждений, предусмотренных Уголовным кодексом РСФСР 1960 года, «под истязаниями понимаются сечение розгами, шипание или другие действия, связанные с причинением особенной боли»¹.

Это судебно-медицинское определение истязания уже уголовно-правового понятия, поскольку не охватывает систематического нанесения побоев.

Нормой об истязании предусматриваются два состава преступления: 1) систематическое нанесение побоев и 2) совершение иных насильственных действий, носящих характер истязания, т. е. связанных с причинением особенной боли. Для квалификации деяния по ст. 113 УК РСФСР достаточно наличия одного из названных составов преступлений.

Систематическое нанесение побоев представляет собой квалифицированный состав преступления по отношению к составам побоев, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 112 УК РСФСР. обстоятельством, квалифицирующим побой, является систематичность их нанесения.

Под систематичностью понимается многократность осуществления побоев независимо от того, повлекли они легкие телесные повреждения, кратковременное расстройство здоровья, незначительную стойкую утрату трудоспособности или нет. Систематичность заключается в совершении ряда актов нанесения побоев одному и тому же лицу в течение сравнительно небольшого отрезка времени. Совокупность таких актов связана единством намерений виновного, характеризует определенную линию его поведения. Например, истязанием являлись действия Сычева Н. А., осужденного по ст. 113 УК РСФСР, который на протяжении года пять раз у себя дома наносил побои жене, бил ее кулаками по голове, пинал ногами, наносил удары различными твердыми предметами².

Не может признаваться систематическим нанесение побоев, осуществленное неоднократно, но в течение нескольких лет, когда отдельные эпизоды не связаны между собой,

---

кое нанесение побоев и истязание определяется как действия, предусмотренные нормами о нанесении легких телесных повреждений, ударов, побоев или совершении иных насильственных действий, причинивших физическую боль, если они носили характер истязания.

¹ «Советская юстиция» 1961 г. № 13, стр. 29.

² Архив Кировского областного суда, постановление Президиума Кировского областного суда от 26 апреля 1966 г.

либо нанесение побоев только два раза. В этом отношении представляет интерес определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, не признавшее состава преступления истязания в действиях Лосева, который в течение двух лет дважды наносил побои своей жене. В определении, в частности, указано, что «действия Лосева не носили систематического характера и не причинили потерпевшей длительных физических страданий. А под истязанием следует понимать систематическое, т. е. постоянно повторяющееся нанесение побоев или причинение телесных повреждений, связанных в силу их систематичности со значительными физическими и психическими страданиями»¹.

Совершение иных насильственных действий, носящих характер истязания, представляет собой истязание в собственном смысле, как оно определяется упомянутыми Правилами определения степени тяжести телесных повреждений.

Этим составом охватываются любые, кроме побоев, насильственные действия, причиняющие другому человеку особенную физическую боль. Они могут выражаться в сечении розгами, щипании, прижигании раскаленными предметами и т. д.

В законе не указано на систематичность или повторность осуществления насильственных действий, носящих характер истязания. Поэтому для квалификации деяния по ст. 113 УК РСФСР достаточно совершения таких действий в процессе одного эпизода.

Вместе с тем в диспозиции этой статьи называются «действия», а не «действие». Следовательно, как правило, не образует рассматриваемого состава и однократное действие в виде одного удара розгой, одного щипка и т. д.

Для наличия состава преступления истязания в собственном смысле требуется совершение хотя бы в течение одного эпизода множественных насильственных действий, каждое из которых причиняет особенную боль одному и тому же лицу.

Насильственные действия, носящие характер истязания, являются средством причинения другому человеку особенной боли. Поэтому необходимо, чтобы особенная боль была причинена именно этими действиями, а не иными обстоятельствами, например заболеванием потерпевшего.

Умыслом виновного в истязании охватываются как сами

---

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1965 г. № 1, стр. 11.

действия и причиняемая ими особая физическая боль, так и причинная связь между действиями и особенной болью, Неосторожное причинение особенной боли, например неосторожное прикосновение раскаленным предметом к телу другого человека, не влечет уголовной ответственности.

Таким образом, физическое насилие в составах преступлений побоев и истязаний играет роль основного элемента, характеризующего объективную сторону. Насилие в виде побоев может иметь своим последствием кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности, которые являются факультативными элементами. В составе истязания насилие в виде побоев характеризуется систематичностью, а иные насильственные действия — причинением особенной боли.

Истязание в собственном смысле, т. е. выражающееся в насильственных действиях, причиняющих особенную боль, имеет самостоятельное значение тогда, когда такие действия либо не влекут иных последствий, помимо физической боли, либо сопровождаются причинением легких телесных повреждений, кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности.

Если в результате истязания в собственном смысле причиняются тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения, то истязание утрачивает значение самостоятельного состава преступления и становится обстоятельством, квалифицирующим умышленное тяжкое телесное повреждение или умышленное менее тяжкое телесное повреждение. В этом случае истязание является способом нанесения таких повреждений.

Наряду с истязанием обстоятельством, квалифицирующим причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения, являются мучения, которые также представляют собой способ причинения указанных повреждений. Согласно упомянутым Правилам определения степени тяжести телесных повреждений мучениями являются «действия, причиняющие жертве страдания путем лишения пищи, тепла, питья, способом, опасным для жизни или здоровья человека».

Нанесенные способом мучений или истязаний тяжкие телесные повреждения влекут ответственность по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР, а менее тяжкие — по ч. 2 ст. 109 этого УК. Поскольку этими статьями предусматриваются и другие квалифицирующие обстоятельства, постольку мучения или

истязания являются факультативными элементами, характеризующими объективную сторону квалифицированных составов тяжких или менее тяжких телесных повреждений.

Способ совершения насильственного действия может быть обстоятельством, квалифицирующим умышленное убийство.

В числе других обстоятельств, отягчающих умышленное убийство, законодатель называет совершение этого преступления с особой жестокостью (п. «г» ст. 102 УК РСФСР) и способом, опасным для жизни многих людей (п. «д» ст. 102 УК РСФСР).

Особая жестокость может характеризовать как способ действия при совершении убийства, так и иные обстоятельства, характеризующие направленность умысла виновного на совершение преступления с особой жестокостью. В этой связи в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве» указывается: «Убийство следует признавать совершенным с особой жестокостью в тех случаях, когда потерпевшему непосредственно перед лишением жизни или в процессе совершения убийства заведомо для виновного причинялись особые мучения или страдания путем пытки, истязания, нанесения большого количества ран, применения мучительно действующего яда и пр. Особая жестокость может выражаться и в причинении заведомо для виновного особых страданий близким потерпевшему лицам, присутствующим на месте преступления, глумления над трупом и т. п.»¹.

Таким образом, особо жестокий способ является факультативным признаком, характеризующим особую жестокость как обстоятельство, квалифицирующее умышленное убийство.

Другой разновидностью насильственного способа действия как обстоятельства, квалифицирующего это преступление, является способ, опасный для жизни многих людей. Он может выражаться в беспорядочной стрельбе, совершении взрыва, поджога и т. д. В упомянутом постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. указывается: «для квалификации умышленного убийства как совершенного способом, опасным для жизни многих людей, необходимо установить, что, осуществляя умысел на убийство определенного лица, виновный применял такой

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963», М., 1964, стр. 281—282.

способ причинения смерти, который заведомо для виновного был опасен для жизни не только одного человека»¹.

Наибольшие трудности на практике возникают в связи с недостаточно четким пониманием значения физического или психического насилия в простом, квалифицированном и особо квалифицированном составах преступления изнасилования. В зависимости от степени интенсивности и характера насилия является элементом того или иного из этих составов преступлений.

Изнасилование определяется в ч. 1 ст. 117 УК РСФСР как «половое сношение с применением физического насилия, угроз или с использованием беспомощного состояния потерпевшей». Насилие является обстоятельством, квалифицирующим изнасилование, когда оно выражается в угрозе убийством или нанесением тяжкого телесного повреждения (ч. 2 ст. 117), обстоятельством, особо квалифицирующим это преступление, когда влечет особо тяжкие последствия (ч. 3 ст. 117)².

Обязательным элементом оконченного состава преступления изнасилования является половое сношение. Насилие имеет значение факультативного элемента, так как изнасилованием может быть половое сношение с использованием беспомощного состояния потерпевшей, т. е. без применения насилия.

Предметом рассмотрения являются только те случаи изнасилования, когда оно сопряжено с применением насилия.

Изнасилование может быть совершено с применением как физического, так и психического насилия.

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963», М., 1964, стр. 282.

² Следует отметить, что, как и в РСФСР простой, квалифицированный и особо квалифицированный составы преступления изнасилования предусмотрены только ст. 112 УК Армянской ССР. В УК других союзных республик отсутствует указание на угрозу убийством или нанесением тяжкого телесного повреждения в качестве обстоятельства, квалифицирующего изнасилование (см. ст. 109 УК Азербайджанской ССР, ст. 115 УК Белорусской ССР, ст. 117 УК Грузинской ССР, ст. 101 УК Казахской ССР, ст. 108 УК Киргизской ССР, ст. 121 УК Латвийской ССР, ст. 118 УК Литовской ССР, ст. 102 УК Молдавской ССР, ст. 121 УК Таджикской ССР, ст. 122 УК Туркменской ССР, ст. 94 УК Узбекской ССР, ст. 117 УК Украинской ССР, ст. 115 УК Эстонской ССР). В ч. 1 ст. 115 УК Эстонской ССР при определении простого состава изнасилования указано не просто на угрозу, как это имеет место в УК других союзных республик, а на угрозу насилием. В ст. 109 УК Азербайджанской ССР отсутствует особо квалифицированный состав изнасилования, а особо тяжкие последствия рассматриваются как обстоятельство, квалифицирующее изнасилование.

В каждом составе преступления изнасилования (простом, квалифицированном или особо квалифицированном) насилие или угроза его применения всегда являются средством совершения деяния. Это означает, что насилие или угроза находятся в причинной связи с осуществлением полового сношения и последнее происходит вследствие и в результате применения физического или психического насилия. Сознанием виновного охватывается это обстоятельство, он предвидит, что половое сношение осуществляется исключительно в результате применения насилия, и желает этого.

Установление, что насилие или угроза его применения являлись средством совершения полового сношения, необходимо для квалификации изнасилования и особенно покушения на изнасилование.

В этом отношении представляет интерес следующее руководящее указание, содержащееся в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании»: «При разрешении дел о покушении на изнасилование с применением физического насилия суды должны устанавливать, действовал ли подсудимый с целью совершения полового акта и являлось ли примененное им насилие средством к достижению этой цели. Только при наличии этих обстоятельств действия виновного могут рассматриваться как покушение на изнасилование. В связи с этим необходимо отличать покушение на изнасилование от других преступных посягательств, затрагивающих честь, достоинство и неприкосновенность личности женщин (хулиганство, причинение телесных повреждений, оскорбление и др.)»¹.

Как средство совершения изнасилования физическое или психическое насилие характеризуется рядом признаков.

Во-первых, по последовательности действий насилие всегда предшествует половому сношению, т. е. применяется до начала такого сношения. Этим насилие при изнасиловании отличается, например, от насилия при разбое, когда оно является не только средством завладения имуществом, но также средством удержания уже похищенного имущества и может быть поэтому применено как до, так и в процессе или после завладения имуществом.

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1964 г. № 3, стр. 20—21. Такое же указание, но применительно к прежнему законодательству, было дано в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 2 декабря 1960 г. «О некоторых вопросах судебной практики по делам об изнасиловании», «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1961 г. № 1, стр. 6.

Во-вторых, насилие находится в причинной связи с совершением полового акта. Оно должно быть направлено на подавление воли потерпевшей к сопротивлению или на преодоление сопротивления вступлению с ней в половое сношение. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР правильно не признала покушением на изнасилование действия Комиссарова, который пригласил к себе на квартиру Дутова, его знакомую Бондаренко и гр-ку Д., распил с ними спиртные напитки, а когда Дутов и Бондаренко ушли в смежную комнату, стал склонять Д., к вступлению в половую связь. Последняя в ответ ударила Комиссарова рукой по лицу и позвала Дутова и Бондаренко, которые, возмущившись происшедшим, уехали домой. Комиссаров после их ухода запер дверь на крючок, а гр-ка Д., не желая оставаться в комнате, стала кричать и звать на помощь. Комиссаров нанес ей побои, вытолкнул из квартиры и столкнул с крыльца¹. Из обстоятельств этого дела видно, что насилие, примененное Комиссаровым, не было направлено на подавление воли потерпевшей к сопротивлению совершению с ней полового сношения и не находилось в причинной связи с таким сношением. Побои наносились потерпевшей не с целью вступления в половую связь, а из хулиганских побуждений, вызванных отказом потерпевшей совершить половой акт. Поэтому действия Комиссарова были квалифицированы как хулиганство по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР.

О характере насилия при совершении изнасилования нередко свидетельствуют последствия в виде осадин, кровоподтеков, телесных повреждений.

В-третьих, степень интенсивности насилия или угрозы его применения должна быть достаточной, чтобы сломить или подавить сопротивление потерпевшей совершению с ней полового сношения, притом сопротивления действительного, а не притворного.

От установления интенсивности физического или психического насилия зависит и установление самого факта изнасилования. При этом необходимо исходить из того, что насилием является общественно опасное и противоправное воздействие на организм потерпевшей против ее воли. Вместе с тем не всякое насилие, примененное к потерпевшей, может рассматриваться как средство совершения изнасилования. Поэтому в зависимости от конкретных обстоятельств

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1963 г. № 9, стр. 3—4.

дела важно установить, являлось ли примененное насилие именно той степени интенсивности, которая исключает добровольное половое сношение, или нет.

Признание деяния изнасилованием возможно, когда насилие, сопровождающее половое сношение, характеризуется всеми названными признаками. Наличие их свидетельствует о неразрывной связи, органическом единстве насилия и полового сношения, что необходимо для состава преступления изнасилования.

Умыслом виновного охватываются применение насилия, совершение полового сношения и причинная связь между этими действиями. Для признания деяния, сопряженного с насилием, покушением на изнасилование, необходимо установить, что виновный применил насилие с целью совершить половое сношение.

Установление степени интенсивности физического или психического насилия имеет важное значение для разграничения простого, квалифицированного и особо квалифицированного составов преступления изнасилования.

В ч. 1 ст. 117 УК РСФСР не указывается, какой степени интенсивности должно быть физическое насилие и какой по характеру и содержанию угроза.

Поэтому установление степени интенсивности насилия возможно посредством сопоставления признаков, характеризующих насилие и его последствия, в простом, квалифицированном и особо квалифицированном составах преступления изнасилования.

Физическое насилие, характеризующее простой состав изнасилования, может быть как опасным, так и не опасным для здоровья, может влечь последствия в виде легких или менее тяжелых телесных повреждений. В упомянутом постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. указывается: «Изнасилование или покушение на изнасилование, сопровождающееся причинением потерпевшей легких или менее тяжелых телесных повреждений, подлежит квалификации только по ч. 1 ст. 117 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, а если причинены телесные повреждения, повлекшие последствия, указанные в ст. 108 УК РСФСР и соответствующих статьях УК других союзных республик, то по ч. 3 тех же статей УК союзных республик. В указанных случаях дополнительная квалификация по другим статьям о преступлениях против личности (например, по ст. ст. 112, 109, 108 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик)

не требуется, так как применение насилия и причинение вреда здоровью потерпевшей охватывается диспозицией закона об ответственности за изнасилование»¹.

Последствия в виде легких или менее тяжелых телесных повреждений могут характеризовать объективную сторону простого состава преступления изнасилования только тогда, когда они причинены насилем, опасным или не опасным для здоровья.

Если эти последствия явились результатом насилия, опасного для жизни, или выражали угрозу смертью или нанесением тяжкого телесного повреждения, то они характеризуют не простой, а квалифицированный состав изнасилования или покушения на изнасилование. Такое же значение эти последствия имеют, когда сопровождают угрозу смертью или нанесением тяжкого телесного повреждения. Например, по ст. 15 и ч. 2 ст. 117 УК РСФСР Президиум Верховного Суда РСФСР квалифицировал действия Конишева, который, находясь на работе в нетрезвом состоянии, воспользовался отсутствием в цехе рабочих, запер дверь на крючок и, угрожая убийством, пытался изнасиловать С., пришедшую в цех по делам службы. Он сорвал с потерпевшей одежду, угрожал ей ножом и причинил менее тяжкие телесные повреждения. Прибежавшие на крик С. работники автохозяйства предотвратили доведение преступления до конца².

В приведенном примере действия Конишева хотя и повлекли менее тяжкие телесные повреждения, но были сопряжены с угрозой убийством, что свидетельствует о более высокой степени интенсивности насилия, характеризующей объективную сторону квалифицированного, а не простого состава изнасилования. Причиненные последствия в виде менее тяжелых телесных повреждений полностью охватываются диспозицией ч. 2 ст. 117 УК РСФСР, в связи с чем дополнительная квалификация деяния по ст. 109 этого УК не требовалась.

Физическое насилие, опасное для жизни, даже если оно не повлекло последствий в виде телесных повреждений, как правило, характеризует объективную сторону квалифицированного состава изнасилования.

Причинение при изнасиловании тяжелых телесных повреждений, опасных для жизни, но не повлекших последствий,

предусмотренных ст. 108 УК РСФСР, также представляет собой обстоятельство, квалифицирующее изнасилование. Так, по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР квалифицировала действия Никифорова, который, встретив на территории Измайловского лесного массива Москвы гр-ку Б., свалил ее на землю, угрожал ей расправой, укусил ее палец, затем, взяв за горло, начал душить. Когда Б. потеряла сознание, Никифоров изнасиловал ее¹.

Вместе с тем причинение насилем, опасным для жизни или здоровья, тяжелых телесных повреждений, повлекших последствия, предусмотренные ст. 108 УК РСФСР, характеризует особо тяжкие последствия изнасилования, являющиеся особо квалифицирующим обстоятельством. На это обращается внимание в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. «Особо тяжкими последствиями, дающими основание квалифицировать действия виновного по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, судом могут быть признаны, например, смерть, или самоубийство потерпевшей, либо расстройство душевной деятельности, последовавшие в результате изнасилования, а также причинение ей телесных повреждений в процессе изнасилования или покушения на него, повлекшие потерю зрения, слуха, прерывание беременности или иные последствия, предусмотренные ст. 108 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик»². Таким образом, к числу особо тяжелых последствий, причиненных насилем, относятся как указанные тяжкие телесные повреждения, так и смерть потерпевшей. Например, совершенно обоснованно Верховный Суд Чувашской АССР квалифицировал по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР действия Черепанова, который, находясь в нетрезвом состоянии, в г. Чебоксары догнал возвращавшуюся домой гр-ку Д., схватил ее за руку и приставил к груди нож. Когда Д. оказала сопротивление, Черепанов повалил ее на землю и нанес несколько ударов ножом в область правой щеки, левой челюсти и лба, причинив неизгладимое обезображение лица, душил ее, бил головой о землю, затем изнасиловал³.

Суммируя изложенное, следует прийти к выводу, что:

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1967 г. № 7, стр. 9—10.

² «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1964 г. № 3, стр. 20.

³ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1967 г. № 6, стр. 8.

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1964 г. № 3, стр. 19.

² «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1964 г. № 9, стр. 6.

1) простой состав преступления изнасилования, совершенного с применением физического насилия, характеризуется насилием, опасным или не опасным для здоровья, последствиями которого могут быть легкие или менее тяжкие телесные повреждения, 2) квалифицированный состав такого же деяния характеризуется, как правило, физическим насилием, опасным для жизни, не повлекшим никаких последствий в виде вреда здоровью либо повлекшим легкие, менее тяжкие телесные повреждения или тяжкие телесные повреждения, опасные для жизни, но не сопровождавшиеся последствиями, предусмотренными ст 108 УК РСФСР; 3) особо квалифицированный состав рассматриваемого деяния характеризуется особо тяжкими последствиями в виде смерти или тяжких телесных повреждений, повлекших последствия, указанные в ст. 108 УК РСФСР, которые могут быть причинены физическим насилием, как опасным для жизни, так и представляющим опасность только для здоровья

Физическое насилие при совершении изнасилования может выражаться в воздействии на внешние покровы тела потерпевшей или на ее внутренние органы без повреждения наружных тканей (опаявание, отравление). Когда преступник приводит потерпевшую в беспомощное состояние посредством дачи одурманивающих или отравляющих веществ, а затем, используя такое состояние, совершает половое сношение, то налицо изнасилование и с применением насилия, и с использованием беспомощного состояния потерпевшей. В постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 5 августа 1967 г «О выполнении судами РСФСР постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г «О судебной практике по делам об изнасиловании» указывается. «Для признания изнасилования, совершенным с использованием беспомощного состояния потерпевшей, не имеет значения, привел ли виновный женщину сам в такое состояние (например, напоил пьяной, дал наркотики, снотворное и т. п.) или она находилась в беспомощном состоянии независимо от действий виновного»¹

Хотя факт приведения потерпевшей в беспомощное состояние посредством опаявания или отравления с целью изнасилования не влияет на квалификацию деяния (естественно, если опаявание или отравление не причинило особо тяжких последствий), однако важно отличать случаи изна-

силования посредством приведения потерпевшей в беспомощное состояние опаяванием или отравлением от случаев изнасилования с использованием беспомощного состояния потерпевшей, в котором она оказалась независимо от действий насильника. Это имеет значение для определения меры наказания виновному, поскольку изнасилование посредством приведения потерпевшей в бессознательное состояние опаяванием или отравлением представляет большую степень общественной опасности

В ч. 1 ст. 117 УК РСФСР не содержится указания, какой по характеру и степени интенсивности должна быть угроза при изнасиловании.

Несомненно, однако, что таковой всегда может быть угроза применением физического насилия. В частности, в диспозиции ч. 1 ст. 115 УК Эстонской ССР, предусматривающей ответственность за изнасилование без квалифицирующих обстоятельств, указано не на любую угрозу, а только на угрозу насилием

Часть 2 ст. 117 УК РСФСР предусматривает в качестве обстоятельства, квалифицирующего изнасилование, угрозу убийством или угрозу нанесением тяжкого телесного повреждения¹. Поэтому угроза насилием, указанная в ч. 1 этой статьи, не должна достигать степени интенсивности, характеризующей угрозу убийством или нанесением тяжкого телесного повреждения.

Угроза как элемент простого состава изнасилования по степени интенсивности представляет угрозу насилием, опасным или не опасным для здоровья. Она может выражаться, например, в запугивании потерпевшей связыванием, избиванием

Вместе с тем известно, что угроза насилием, опасным для здоровья, включает в себя угрозу нанесением тяжкого телесного повреждения. Поэтому для квалификации изна-

¹ Нельзя согласиться с мнением И Кукарского, который полагает, что «ч. 2 ст. 117 УК РСФСР говорит об изнасиловании, сопряженном с причинением тяжкого телесного повреждения, а не об изнасиловании, сопряженном с угрозой причинения такого повреждения» (И Кукарский, Некоторые ошибки судебно-следственных органов по делам об изнасиловании «Советская юстиция» 1963 г № 1, стр. 12). Так, в упоминавшемся постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г специально указывается «По ч. 2 ст. 117 УК РСФСР и ч. 2 ст. 112 УК Армянской ССР надлежит квалифицировать действия виновного, который при изнасиловании или покушении на него в целях подавления сопротивления угрожал потерпевшей причинением тяжких телесных повреждений (разрядка моя.— Л Г) или убийством («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1964 г. № 3, стр. 19).

силования, соединенного с психическим насилием, по ч. 1 ст. 117 УК РСФСР необходимо, чтобы угроза насилием, опасным для здоровья, не содержала в себе запугивания потерпевшей нанесением тяжкого телесного повреждения.

При отграничении угрозы нанесением тяжкого телесного повреждения от угрозы применением насилия меньшей степени интенсивности, но представляющего опасность для здоровья, имеет значение, определенно или неопределенно выражена угроза. Наличие угрозы причинением тяжкого телесного повреждения следует признавать тогда, когда угроза причинить тяжкий вред здоровью выражена определенно, например запугивание обезображиванием лица, отделением части тела. Если угроза применением насилия, опасного для здоровья, выражена неопределенно, то она является элементом простого состава изнасилования.

Следует отметить, что для квалификации изнасилования по ч. 1 или ч. 2 ст. 117 УК РСФСР имеет значение только та степень интенсивности угрозы, которая была выражена до начала полового сношения и находилась в причинной связи с последним, т. е. являлась средством совершения такого сношения. Это обстоятельство справедливо отмечается в упомянутом постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 5 августа 1967 г. «Ответственность по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР наступает тогда, когда угроза убийством или причинением тяжкого телесного повреждения применялась как средство преодоления сопротивления потерпевшей при изнасиловании. Если угроза убийством или причинением тяжкого телесного повреждения имела место после изнасилования с той, например, целью, чтобы потерпевшая никому не сообщила о случившемся, действия виновного, при отсутствии квалифицирующих обстоятельств, подлежат квалификации по ч. 1 ст. 117 и по совокупности по ст. 207 УК РСФСР»¹.

Угроза насилием при изнасиловании должна быть реальной, т. е. должна восприниматься потерпевшей как осуществимая в действительности и выражаться в запугивании потерпевшей применением физического насилия немедленно, а не в будущем.

По своему характеру угроза должна ставить потерпевшую в безвыходное положение: или не сопротивляться совершению с ней полового сношения, или подвергнуться немедленному применению физического насилия.

Следует отметить, что угроза применения физического насилия при изнасиловании может быть направлена против потерпевшей или против близких ей лиц.

Это обстоятельство нашло отражение в цитированном постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г.: «Под угрозой, применяемой как средство подавления сопротивления потерпевшей в целях ее изнасилования, следует понимать запугивание потерпевшей такими действиями или высказываниями, которые выражали намерение немедленного применения физического насилия к самой потерпевшей или к ее близким родственникам (например, к ее детям)»¹.

Физическое или психическое насилие, сопровождаемое половым сношением с потерпевшей, характеризует оконченное преступление. В тех случаях, когда примененное с целью совершения полового акта физическое или психическое насилие не привело к осуществлению полового сношения, деяние является покушением на изнасилование.

Физическое насилие или угроза являются обстоятельствами, квалифицирующими мужеложство, предусмотренное ч. 2 ст. 121 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик².

Как насилие, так и угроза в квалифицированном составе преступления мужеложства имеют то же значение, что и в простом составе преступления изнасилования. Это относится к характеру насилия и угрозы, а также к их последствиям.

Физическое насилие при мужеложстве, повлекшее последствия в виде легких или менее тяжких телесных повреждений, полностью охватывается квалифицированным составом этого преступления. Дополнительная квалификация по ст. 112 или ст. 109 УК РСФСР не требуется.

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1964 г. № 3, стр. 19

² См. части 2 ст. 113 УК Азербайджанской ССР, ст. 116 УК Армянской ССР, ст. 119 УК Белорусской ССР, ст. 121 УК Грузинской ССР, ст. 104 УК Казахской ССР, ст. 112 УК Киргизской ССР, ст. 124 УК Латвийской ССР, ст. 122 УК Литовской ССР, ст. 106 УК Молдавской ССР, ст. 125 УК Таджикской ССР, ст. 126 УК Туркменской ССР, ст. 100 УК Узбекской ССР, ст. 122 УК Украинской ССР, ст. 118 УК Эстонской ССР. Следует отметить, что в уголовных кодексах Азербайджанской, Казахской, Киргизской, Узбекской и Украинской союзных республик отсутствует указание на угрозу как квалифицирующее обстоятельство. УК Молдавской ССР формулирует данное квалифицирующее обстоятельство как мужеложство, совершенное «путем применения физического либо психического насилия».

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1967 г. № 12, стр. 9.

Если физическое насилие при мужеложестве повлекло тяжкие телесные повреждения или убийство, то деяние представляет совокупность преступлений. мужеложства при отягчающих обстоятельствах и нанесения тяжких телесных повреждений или мужеложства при отягчающих обстоятельствах и убийства с целью облегчить совершение другого преступления. Деяния квалифицируются соответственно по ч. 2 ст. 121 и ч. 1 или ч. 2 ст. 108 УК РСФСР либо по ч. 2 ст. 121 и п. «е» ст. 102 этого УК

Следует отметить, что понятие физического насилия и угрозы при мужеложестве шире, нежели в простом составе изнасилования. При мужеложестве насилие может быть не только опасным или не опасным для здоровья, но может представлять и опасность для жизни. Угрозой может являться запугивание насилием, опасным или не опасным для жизни или здоровья, включая угрозу убийством или нанесением тяжких телесных повреждений.

В отличие от простого состава изнасилования квалифицированным составом преступления мужеложства полностью охватывается как физическое насилие, опасное для жизни (не повлекшее последствий в виде смерти или причинения тяжких телесных повреждений), так и угроза убийством или нанесением тяжких телесных повреждений.

§ 2. Значение насилия как элемента составов преступлений против собственности

Физическое или психическое насилие всегда является элементом, характеризующим объективную сторону составов преступлений разбоя и насильственного грабежа

Действующие уголовные кодексы РСФСР и других союзных республик определяют разбой как нападение с целью завладения имуществом (государственным, общественным или личным), соединенное с насилием, опасным для жизни и (или) здоровья потерпевшего (лица, подвергшегося нападению), или с угрозой применения такого насилия. Лишь в УК Эстонской ССР разбой определен как применение насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угроза непосредственным применением такого насилия с целью завладения имуществом и присвоения такового. Таким образом, закон во всех случаях признает насилие, опасное для жизни или здоровья, или угрозу применения такого насилия обязательным элементом составов разбоя.

Часть 1 ст. 90 и ч. 1 ст. 145 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик определяют

грабеж как открытое похищение имущества (государственного, общественного или личного). Часть 2 ст. 90 и ч. 2 ст. 145 УК РСФСР предусматривают в качестве квалифицированного состава грабеж, «соединенный с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего». УК других союзных республик относят к квалифицированному составу грабеж, «соединенный с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего либо с угрозой применения такого насилия». Из сравнения определения насильственного грабежа по УК РСФСР с определениями этого состава по УК других союзных республик усматривается, что в качестве обстоятельства, квалифицирующего грабеж, УК РСФСР указывает лишь физическое насилие, не опасное для жизни и здоровья потерпевшего, а уголовные кодексы всех других союзных республик — физическое и психическое насилие, не опасное для жизни или здоровья потерпевшего. Отсутствие в ч. 2 ст. 90 и ч. 2 ст. 145 УК РСФСР указания на угрозу насилием данной степени интенсивности является результатом недостаточно точной редакции этих статей. Грабеж, соединенный с такой угрозой, необходимо квалифицировать по ч. 2 ст. 90 или ч. 2 ст. 145 УК РСФСР. Суммируя определения основного и квалифицированного составов грабежа, данные в УК союзных республик, следует рассматривать в качестве насильственного грабежа открытое похищение имущества, соединенное с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего или с угрозой применения такого насилия.

Составы разбоя и грабежа с применением насилия, близко соприкасаясь друг с другом, различаются по объекту и по объективной стороне.

Помимо отношений государственной, общественной или личной собственности, объектом разбоя являются общественные отношения, обеспечивающие здоровье человека, а объектом насильственного грабежа — отношения, обеспечивающие телесную неприкосновенность. Так, за насильственный грабеж осуждены Филин и другие, которые в переулке остановили гр-на Балыкина, схватили его за руки и затащили в подъезд дома, где повалили на пол и похитили у него из карманов 3 рубля денег и пачку сигарет¹. Если посягательство направлено против отношений, обеспечивающих одновременно здоровье и телесную неприкосновен-

¹ Архив народного суда Ленинского района Москвы, дело № 1—558, 1962 г

ность, то при квалификации деяния необходимо исходить из того, что объектом являются отношения, обеспечивающие более ценные блага, в данном случае здоровье. Правильно осуждены за разбой Сорокин, Хомич и Калинин, которые напали на гр-на Ковалева, избили его, повалили на землю и, угрожая ножом, сняли с него два свитера¹. Отношения, обеспечивающие телесную неприкосновенность, выступают в качестве объекта насильственного грабежа тогда, когда это посягательство не направлено на причинение ущерба более ценным благам человека.

Различие разбоя и насильственного грабежа по объективной стороне заключается прежде всего в разной степени интенсивности насилия, применяемого к потерпевшему в целях завладения имуществом. При разбое степень интенсивности насилия существенно более высока, нежели при насильственном грабеже. Разбой предполагает применение к потерпевшему физического или психического насилия, опасного для жизни или здоровья. Грабеж характеризуется насилием, не опасным для жизни или здоровья, или угрозой применения такового.

Различная степень интенсивности насилия, применяемого к потерпевшему с целью завладения имуществом, обуславливает разные моменты окончания рассматриваемых преступлений. Разбой признается оконченным преступлением с момента нападения с целью завладения имуществом, соединенного с насилием, опасным для жизни или здоровья, либо с угрозой его применения, независимо от факта завладения имуществом, а грабеж — с момента похищения имущества. Применение физического или психического насилия, не опасного для жизни или здоровья, с целью похищения имущества, когда виновному овладеть имуществом не удалось, должно рассматриваться как покушение на насильственный грабеж.

Сравнивая элементы, характеризующие объективную сторону составов разбоя и насильственного грабежа, можно отметить различие и в формах действия². Совершение

нападения и применение насилия при разбое возможно как в открытой форме, так и в тайной, т. е. внешне замаскированной. Законодатель не ограничивает открытой формой завладение имуществом при разбое. Оно также может быть осуществлено и открыто, и тайно. Например, как разбой и корыстное убийство по совокупности квалифицированы действия Давыдовой, которая, ночуя в одном сарае с Бондаревой, с целью завладения имуществом последней задушила спавшую Бондареву и похитила принадлежавшие ей деньги и вещи¹. Нападение, насилие и завладение имуществом Давыдова осуществила тайно. Нападение и насилие с целью завладения имуществом при разбое проявляются в тайной форме и тогда, когда потерпевшему наносится удар камнем или ножом сзади или он приводится в бессознательное состояние посредством применения отравляющих или одурманивающих веществ, опасных для жизни или здоровья. При этом если и завладение имуществом осуществляется тайно, то налицо разбой. Хотя на практике подавляющее большинство разбойных нападений совершается открыто, принципиально важно то, что характер действия при разбое может быть не только открытым, но и тайным.

В отличие от разбоя грабеж всегда носит открытый характер. Совершение грабежа тайно невозможно, так как тайная форма похищения имущества несовместима с понятием грабежа и противоречит его юридической природе. В то же время закон не ограничивает насилие при грабеже лишь открытой формой, предполагая возможность его применения к потерпевшему тайно. Так, если виновный с целью похищения имущества приводит потерпевшего в бессознательное состояние посредством применения одурманивающих средств, не представляющих опасности для жизни или здоровья, а затем открыто похищает имущество, то налицо насильственный грабеж. Такой грабеж характеризуется тайным характером насилия и открытым похищением имущества.

Сходство составов преступлений разбоя и грабежа, соединенного с насилием, заключается в насильственном характере завладения имуществом.

При разбое и насильственном грабеже физическое или психическое насилие является средством завладения

¹ Архив Московского городского суда, дело № 10531, 1962 г.

² Нельзя согласиться с авторами «Комментария к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г.», усматривающими в открытом характере посягательства сходство разбоя и грабежа. Они пишут «Разбой, так же как и грабеж, является посягательством на... собственность, посящим открытый характер» («Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г.», изд-во ЛГУ, 1962, стр. 192).

¹ Архив Верховного Суда РСФСР, дело № 18-р2-39, 1962 г.

имуществом или удержания уже похищенного имущества. Это значит, что похищение или удержание похищенного находится в причинной связи с применением насилия к потерпевшему. Причинная связь состоит в том, что похищение имущества или удержание его происходит вследствие и в результате применения насилия к потерпевшему, а насилие применяется преступником для того, чтобы подавить возможное или действительное сопротивление потерпевшего завладению имуществом и таким путем похитить или удержать похищенное. Эта причинная связь охватывается всегда прямым умыслом преступника. Последний сознает и предвидит, что похищение имущества или удержание похищенного имущества должно произойти вследствие и в результате применения насилия к потерпевшему, при этом желает осуществить насилие, чтобы подавить возможное или действительное сопротивление потерпевшего завладению имуществом и таким путем похитить или удержать похищенное имущество.

Именно выступая как средство похищения или удержания похищенного имущества, насилие в сочетании с этими действиями образует единый состав разбоя или насильственного грабежа. В этом заключается внутренняя связь, органическое единство нападения с насилием и завладения имуществом. Насилие может быть применено как для того, чтобы сломить волю потерпевшего к сопротивлению, т. е. вынудить его к бездействию, пассивному состоянию, так и для того, чтобы заставить его совершить определенные активные действия, например передать имущество или указать, где оно спрятано.

Не являются насилием, характерным для разбоя или насильственного грабежа, действия, при помощи которых преступник отвлекает или пытается отвлечь внимание потерпевшего для того, чтобы незаметно похитить имущество. Эти действия могут представлять собой воздействие на тело потерпевшего или на его психику. Однако их нельзя рассматривать как средство насильственного похищения имущества, так как они направлены не на подавление сопротивления потерпевшего завладению имуществом, а лишь на то, чтобы потерпевший не заметил совершаемого похищения. Так, Пленум Верховного Суда СССР признал ненасильственным похищением имущества действия Ермолаева Е. С. и его соучастников. Ермолаев в переулке встретил гр-на Астахова и «стал всячески отвлекать его внимание», а двое

соучастников Ермолаева в это время обшарили карманы потерпевшего Астахова и похитили ключи и деньги¹.

В этом отношении представляет интерес также дело Погонина Н. П. Осужденный, заметив в магазине, что гр-н Севостьянов положил в карман пиджака сдачу с 10 рублей, вышел вслед за последним из магазина. На улице Погонин предложил Севостьянову распить бутылку вина, а в ответ на отказ обнял одной рукой Севостьянова, прижимая его к себе, чтобы отвлечь его внимание, а другой рукой похитил из кармана пиджака 7 рублей денег. На предварительном следствии действия Погонина были квалифицированы по ч. 2 ст. 145 УК РСФСР как насильственный грабеж. Однако суд правильно квалифицировал действия подсудимого по ч. 1 ст. 145 УК РСФСР, указав: «То, что Погонин как бы в шутку обнял потерпевшего, чтобы отвлечь его внимание, нельзя расценивать как насилие»².

При разбое и насильственном грабеже физическое или психическое насилие может быть применено к потерпевшему до или в процессе завладения имуществом, а также непосредственно после похищения для удержания уже похищенного имущества. В этих случаях насилие представляет собой средство завладения имуществом, так как преступник путем насилия стремится подавить возможное или действительное сопротивление потерпевшего похищению или удержанию похищенного имущества.

Известны ситуации, когда преступник, похитивший вещь, применяет физическое или психическое насилие к преследователям, чтобы избежать задержания³.

В связи с этим требует уточнения высказывание С. С. Степичева, что «ответственность за разбой должна наступать и в тех случаях, когда преступник, совершив кражу, прибегает затем к насилию, опасному для жизни или здоровью потерпевшего, или к угрозе его применением при по-

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1958 г № 3, стр. 4—5.

² Архив народного суда Ленинского района Москвы, дело № 1-694, 1962 г.

³ Следует отметить, что по УК Народной Республики Болгарии и УК Социалистической Республики Румынии такие действия рассматриваются как грабеж. Часть 3 ст. 184 УК НРБ гласит: «Грабежом является всякая кража, при которой застигнутый на месте преступления применяет насилие или угрозу по отношению к владельцу с целью сохранения владения указанной вещью». Согласно п. 1 ст. 530 УК СРР ответственность за грабеж несет «пойманный на месте совершения кражи, употребляющий насилие или угрозу с целью сохранить украденную вещь или уничтожить следы преступления, или обеспечить спасение свое и соучастников».

пытке потерпевшего отнять похищенное или помешать преступнику скрыться»¹.

Нам представляется, что такое насилие или угроза, примененные вором к потерпевшему, который пытается помешать ему скрыться, следует рассматривать как разбой лишь тогда, когда вор, применяя насилие, удерживает у себя похищенную вещь. Лишь в этом случае посягательства на отношения государственной, общественной или личной собственности и личность оказываются взаимосвязанными и образуют единый состав разбоя или насильственного грабежа, так как насилие применяется для того, чтобы не только избежать задержания, но и удержать похищенную вещь (т. е. с целью окончательного завладения ею). Как разбой квалифицированы действия Локтева Ю. И., Яшина М. Н. и Семенова М. В., которые совершили нападение на супругов Абрамовых. Локтев сорвал с Абрамова шапку «Москвичка», но потерпевший стал отнимать ее. Тогда Локтев, удерживая похищенную шапку, ударил потерпевшего по голове и после выкрика «Дайте пику!» достал нож типа финского и, угрожая им, окончательно завладел похищенным и скрылся вместе с соучастниками².

В тех случаях, когда вор, скрываясь от преследователей, бросает похищенную вещь и лишь после этого применяет насилие только для того, чтобы избежать задержания, его действия не могут рассматриваться как разбой или насильственный грабеж. При этом насилие не является средством удержания похищенного имущества и применяется не с целью завладения имуществом. Такие действия преступника могут быть квалифицированы по совокупности как кража и преступление против личности³.

Насилие при разбое и насильственном грабеже может быть применено как к собственнику или владельцу имущества, так и к любому другому лицу, которое оказывает, пытается оказать или, по мнению виновного, может оказать

сопротивление завладению имуществом или удержанию уже похищенного имущества. Насилие может быть применено к родным или близким этих лиц, присутствующим на месте совершения преступления.

Закон не содержит указания на то, каково должно быть отношение потерпевшего к имуществу, для завладения которым применяется насилие, и поэтому это отношение не имеет значения для квалификации разбоя или насильственного грабежа.

Потерпевший, т. е. лицо, к которому применено насилие, может быть собственником, владельцем имущества, лицом, которому поручено присмотреть за имуществом, а также лицом, не имеющим к похищаемому имуществу никакого отношения. Например, как разбой были квалифицированы действия Иванова М. Т., Артеменко И. П. и Орлова В. Н., которые, отбывая наказание в местах лишения свободы, отобрали у другого заключенного Брица продукты питания, при этом избивали заключенного Гребана, который пытался воспрепятствовать этим действиям осужденных⁴.

Вследствие этого нельзя согласиться с мнением, которое было высказано в юридической литературе, что потерпевшим при насильственном похищении имущества может быть лицо, владеющее, ведающее или пользующееся имуществом, которым намеревался завладеть преступник⁵. Эта точка зрения не отвечает содержанию закона, который специально не указывает на отношение потерпевшего к имуществу, с целью завладения которым осуществляется насилие, и может привести к неосновательному сужению понятия разбоя и насильственного грабежа⁶.

¹ Архив Верховного Суда РСФСР, дело № 546-п/пр., 1962 г.

² Н. Д. Дурманов, Наказуемость хищения государственного и общественного имущества, кражи личного имущества и разбоя по Указам от 4 июня 1947 г. («Социалистическая законность», 1947 г. № 10, стр. 5).

³ Выработанная советской уголовноправовой наукой позиция по этому вопросу четко выражена проф. Б. С. Никифоровым: «Потерпевшим при разбое (по действующему законодательству при разбое и насильственном грабеже.—Л. Г.) может быть любое лицо, которое пытается оказать сопротивление изъятию имущества или к которому преступник, имея в виду подавить возможное, по мнению виновного, сопротивление с его стороны применит физическое или психическое насилие (например, домашняя работница, шофер, перевозящий вещи, лицо, случайно оказавшееся на месте совершения преступления, и т. д.)» (Б. С. Никифоров, Уголовноправовая охрана личной собственности в СССР, М., 1954, стр. 97.

¹ С. С. Степичев, Ответственность за хищение личного имущества граждан, «Социалистическая законность» 1961 г. № 5, стр. 50.

² Архив Московского городского суда, дело № У-3510, 1962 г. См. также «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1961 г. № 4, стр. 16, дело Королева; архив Московского городского суда, дело № 8273, 1962 г.

³ Эту точку зрения разделяют проф. А. А. Пионтковский и проф. В. Д. Меньшагин, (Курс советского уголовного права. Особенная часть, т. I, Госюриздат, 1955, стр. 725), доц. В. А. Владимиров («Преступления против личной собственности граждан», М., 1962, стр. 30—31), А. Игназов (Уточнить понятие разбоя, «Советская юстиция» 1958 г. № 11, стр. 41—42).

Физическое насилие, не опасное для жизни или здоровья потерпевшего, может характеризовать насильственный грабеж наряду с последствием в виде легких телесных повреждений без расстройства здоровья.

Последствиями, вместе с которыми физическое насилие, опасное для жизни или здоровья, может характеризовать объективную сторону состава разбоя, являются легкие телесные повреждения с кратковременным расстройством здоровья, менее тяжкие (по УК Эстонской ССР — тяжкие) и тяжкие (по УК Эстонской ССР — особо тяжкие) телесные повреждения¹.

Физическое насилие, опасное для жизни или здоровья, примененное с целью завладения чужим имуществом и повлекшее тяжкие телесные повреждения, вместе с последствием характеризует объективную сторону квалифицированного состава разбоя, предусмотренного пп. «в» ст. 91 или ст. 146 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик. Большинство УК союзных республик рассматривает причинение при разбое тяжких телесных повреждений в качестве обстоятельства, особо квалифицирующего разбой, совершаемый с целью завладения личным имуществом граждан².

Общественная опасность этого вида квалифицированного состава разбоя заключается прежде всего в том, что одним этим составом охватываются два преступления: разбой и нанесение тяжких телесных повреждений, каждое из которых согласно примечанию II к ст. 24 УК РСФСР признается тяжким. Совершение такого разбоя характеризуется очень высокой степенью интенсивности физического насилия, которое влечет причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, причем в ряде случаев еще и представляет опасность для жизни человека.

Согласно ч. 1 ст. 108 УК РСФСР тяжким телесным повреждением признается телесное повреждение, опасное для жизни или повлекшее за собой потерю зрения, слуха или

¹ Степень тяжести телесных повреждений определяется на основании Правил определения степени тяжести телесных повреждений, предусмотренных Уголовным кодексом РСФСР 1960 г. («Советская юстиция» 1961 г. № 13, стр. 28).

² См. части 3 ст. 145 УК Азербайджанской ССР, ст. 146 УК Армянской ССР, ст. 143 УК Белорусской ССР, ст. 134 УК Казахской ССР, ст. 146 УК Киргизской ССР, ст. 141 УК Латвийской ССР, ст. 148 УК Литовской ССР, ст. 147 УК Молдавской ССР, ст. 156 УК Таджикской ССР, ст. 157 УК Туркменской ССР, ст. 127 УК Узбекской ССР, ст. 142 УК Украинской ССР, п. 1 ч. 3 ст. 141 УК Эстонской ССР.

какого-либо органа либо утрату органом его функций, душевную болезнь или иное расстройство здоровья, соединенное со стойкой утратой трудоспособности не менее чем на одну треть, или повлекшее прерывание беременности, либо вызывающееся в неизгладимом обезображении лица.

Разбой, совершенный с причинением тяжких телесных повреждений, должен квалифицироваться по п «в» ч 2 ст 91 или по п «в» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР, которыми полностью охватывается умышленное причинение при разбое тяжких телесных повреждений. Поэтому дополнительная квалификация по ч 1 ст 108 этого УК и соответствующим статьям УК других союзных республик не требуется. Так, по п «в» ч. 2 ст. 146 и другим статьям УК РСФСР, но без ссылки на ч 1 ст. 108, осуждены Макаров и Кременецкий, совершившие ряд преступлений, в том числе разбойное нападение на гр-на Драникова, которому Кременецкий нанес удар ножом в грудь, причинив тяжкие телесные повреждения, а Макаров снял с потерпевшего пальто¹.

Тяжкие телесные повреждения в качестве обстоятельства, квалифицирующего разбой, могут быть причинены только умышленно, так как разбой всегда представляет собой умышленное преступление. Однако в то время как насилие, опасное для жизни или здоровья, при разбое применяется только с прямым умыслом, психическое отношение виновного к последствиям в виде тяжких телесных повреждений может выражаться как в прямом, так и в косвенном умысле. Виновный в совершении разбоя, сознавая общественно опасный характер своего действия и предвидя его общественно опасные последствия в виде причинения потерпевшему тяжких телесных повреждений, может желать их, а может и сознательно допускать наступление этих последствий. Умысел может быть конкретизированным и неконкретизированным. Например, психическое отношение преступника к тяжким телесным повреждениям, причиненным в результате попадания брошенного в потерпевшего камня, выражается в неконкретизированном умысле.

Тяжкое телесное повреждение, причиненное по неосторожности, не может рассматриваться в качестве обстоятельства, квалифицирующего разбой. Если разбойное нападение сопряжено с причинением тяжкого телесного повреждения по неосторожности, то при отсутствии других отягчающих обстоятельств деяние должно квалифициро-

¹ Архив Верховного Суда РСФСР, дело № 81-02-259, 1962 г.

ваться по совокупности преступлений как разбой и неосторожное тяжкое телесное повреждение по ч. 1 ст. 91 или ч. 1 ст. 146 и ч. 1 ст. 114 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

Покушение на причинение тяжкого телесного повреждения, осуществленное при разбойном нападении, когда желаемые преступником последствия не наступили, представляет покушение на разбой при отягчающих обстоятельствах и должно квалифицироваться по ст. 15 и п. «в» ч. 2 ст. 91 или п. «в» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. Объективную сторону состава разбоя в этом случае характеризует насилие, опасное для жизни или здоровья потерпевшего, которое не сопровождается последствием в виде причинения тяжкого телесного повреждения. Однако с субъективной стороны умысел преступника, причем умысел конкретизированный, направлен на причинение потерпевшему тяжкого телесного повреждения, т. е. охватывает не только применение к потерпевшему насилия, опасного для жизни или здоровья. Покушение на причинение тяжкого телесного повреждения при разбойном нападении имеет место тогда, когда совершающий разбой делает неудачную попытку выколоть потерпевшему глаза, обезобразить ему лицо.

В тех случаях, когда установлено, что умысел виновного в совершении разбоя, повлекшего тяжкие телесные повреждения, был направлен на лишение жизни потерпевшего, деяние следует рассматривать как совокупность преступлений: разбоя с причинением тяжких телесных повреждений и покушения на убийство из корысти, так как умысел на убийство не охватывается составом разбоя, даже квалифицированным. Так, по делу Евграфова, совершившего нападение с целью завладения наручными часами на гр-ку Лакееву и нанесшего ей удар камнем по голове, повлекший тяжкие телесные повреждения, было установлено, что виновный действовал с умыслом на убийство потерпевшей, в связи с чем его действия были правильно квалифицированы по пп. «б» и «в» ч. 2 ст. 146 и ст. 15, пп. «а», «г» и «е» ст. 102 УК РСФСР¹

Когда же умысел виновного в совершении разбоя направлен на лишение жизни потерпевшего, но примененное насилие, представляющее опасность для жизни или здоровья, не повлекло последствий в виде тяжких телесных повреждений, деяние представляет совокупность преступле-

ний: разбоя без отягчающих обстоятельств (естественно, если отсутствуют иные обстоятельства, квалифицирующие разбой) и покушения на убийство из корысти. Объективная сторона такого деяния может характеризоваться либо только насилием, опасным для жизни или здоровья потерпевшего, либо таким насилием в сочетании с последствием в виде легкого или менее тяжкого телесного повреждения.

При совершении разбойного нападения последствием насилия может быть смерть потерпевшего.

Если смерть причинена при этом по неосторожности и у виновного отсутствует умысел на причинение тяжких телесных повреждений, то при отсутствии иных обстоятельств, квалифицирующих разбой, деяние представляет совокупность преступлений: разбоя без отягчающих обстоятельств и убийства по неосторожности.

Возможны ситуации, когда последствием умышленно нанесенного при совершении разбоя тяжкого телесного повреждения является смерть потерпевшего, причинение которой не охватывается умыслом виновного. При этом психическое отношение виновного к смерти потерпевшего выражается в неосторожности, тогда как нанесение тяжких телесных повреждений осуществляется умышленно. Примером умышленного нанесения тяжких телесных повреждений при неосторожном отношении к лишению жизни потерпевшего является преступление, совершенное Кулешовым, который из хулиганских побуждений нанес удар ножом в левое бедро гр-ну Устинову. Последний, будучи доставлен в больницу, скончался. Судебно-медицинская экспертиза установила, что смерть Устинова наступила от острой кровопотери в результате ранения общей бедренной вены¹.

Разбой, сопряженный с умышленным причинением тяжких телесных повреждений, повлекших лишение жизни потерпевшего по неосторожности, квалифицируется только по п. «в» ч. 2 ст. 91 или п. «в» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. Дополнительная квалификация деяния еще и как убийства по неосторожности не требуется, поскольку неосторожное причинение смерти при умышленном нанесении тяжких телесных повреждений охватывается понятием умышленного тяжкого телесного повреждения, предусмотренного ч. 2

¹ «Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, 1957—1959 гг.» Госюриздат, 1960, стр. 151—152, дело № 38 0 38.

¹ Архив Московского областного суда, дело № 2-286, 1962 г.

ст. 108 УК РСФСР и соответствующими нормами УК других союзных республик.

Если при совершении разбойного нападения примененным к потерпевшему насилем умышленно причинена смерть, то налицо совокупность преступлений: разбоя и умышленного убийства из корыстных побуждений. На это правильно указано в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве»¹. Действительно, умышленное убийство не является тем последствием насилия, которое охватывается составом разбоя, даже предусмотренным п. «в» ч. 2 ст. 91 или п. «в» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР и соответствующими нормами УК других союзных республик. В то же время разбой не поглощается составом умышленного убийства, даже из корысти.

Поскольку умышленное убийство при разбое совершается по корыстному мотиву, оно должно квалифицироваться по п. «а» ст. 102 УК РСФСР и соответствующим нормам УК других союзных республик. В совокупности с этой статьей должен применяться п. «в» ч. 2 ст. 91 или п. «в» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР, поскольку смерть потерпевшего может наступить лишь в результате насилия, повлекшего тяжкие телесные повреждения. Именно так решается этот вопрос в ч. 2 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г. «О судебной практике по делам о грабеже и разбое»².

Такая квалификация разбоя, сопряженного с умышленным убийством, полностью выражает юридическую природу этого преступления и дает ему наиболее правильную оценку по степени общественной опасности. Так, по п. «в» ч. 2 ст. 146, п. «а» ст. 102 УК РСФСР и другим пунктам этих статей осужден Шевелев, который с целью завладения ценностями, принадлежащими жильцам одной из квартир дома по Мало-Козихинскому переулку Москвы, напал на проживавшую там гр-ку Крувко, убил ее ударами утюга и кастрилки по голове и удушением руками, а затем похитил облигации, часы и дамские украшения³.

Однако при осуждении виновных за разбой, сопряженный с убийством, суды, помимо п. «а» ст. 102, не всегда применяют п. «в» ч. 2 ст. 91 или п. «в» ч. 2 ст. 146 УК

РСФСР. Так, по пп. «а» и «г» ст. 102 и пп. «а» и «б» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР, без указания на п. «в» ч. 2 ст. 146, осуждены братья Паркины — Семен, Пётр и Николай. Двое последних провожали Семена на подводе из села Канакалейки Мордовской АССР до железнодорожной станции. В пути следования на подводе сел гр-н Чапурин. Братья Паркины, договорившись убить его с целью завладения имуществом, свалили Чапурина на землю, и Пётр нанес ему несколько ударов ножом, в том числе один удар в область шеи, от которого наступила смерть потерпевшего. Убив Чапурина, братья Паркины похитили у него 74 рубля и наручные часы¹. Деяние, совершенное Паркиными, следовало квалифицировать по пп. «а» и «г» ст. 102 и пп. «а», «б» и «в» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР, так как смерть потерпевшего явилась следствием причинения ему тяжких телесных повреждений.

Физическое насилие вместе с последствиями в виде легких телесных повреждений с кратковременным расстройством здоровья или менее тяжких телесных повреждений характеризует объективную сторону состава разбоя без отягчающих обстоятельств.

Физическое или психическое насилие с целью завладения имуществом, осуществляемое с применением оружия или других предметов, используемых в качестве оружия, характеризует объективную сторону квалифицированного состава разбоя, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 91, п. «б» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР и п. «б» ч. 2 ст. 92 УК Туркменской ССР.

Психическое насилие является элементом, характеризующим объективную сторону состава преступления — вымогательства.

Закон определяет вымогательство как требование передачи имущества (государственного, общественного или личного) или права на имущество или совершение каких-либо действий имущественного характера под угрозой насилия над личностью потерпевшего (над лицом, в ведении или под охраной которого находится это имущество) или его близких, оглашения о них позорящих сведений или истребления их имущества. Уголовные кодексы Литовской ССР (ст. 150) и Узбекской ССР (ст. 128) дополняют это определение существенно новым и важным положением, что осуществление угрозы применения насилия к потерпевшему вымогателем должно иметь место в будущем.

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963», М., 1964, стр. 282.

² «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1966 г. № 6, стр. 2.

³ Архив Московского городского суда, дело № 2-132, 1962 г.

¹ Архив Верховного Суда РСФСР, дело № 15-Р-2-9, 1962 г.

Особое место занимает УК Эстонской ССР (ст 142), который связывает момент окончания вымогательства с получением имущества вымогателем, т. е. по сравнению с УК всех других союзных республик переносит этот момент на более позднюю стадию

Угроза применения насилия в составе вымогательства является факультативным элементом, поскольку корыстное требование преступника может сопровождаться не только психическим насилием, но и запугиванием потерпевшего возможностью оглашения сведений, позорящих его или его близких, а также истреблением имущества.

Степень интенсивности угрозы при вымогательстве может быть различной. Вымогатель может угрожать потерпевшему применением насилия, как опасного, так и не опасного для жизни или здоровья.

Как и при разбое или насильственном грабеже, угроза применения насилия при вымогательстве является средством завладения имуществом.

Однако если при совершении разбоя или грабежа, соединенного с насилием, она применяется с целью завладения только имуществом в виде конкретных вещей, имеющих материальную ценность, то при вымогательстве она применяется еще и для приобретения прав на имущество или вынуждения потерпевшего совершить какие-либо действия имущественного характера¹. Например, вымогатель может требовать оформления выгодной ему сделки имущественного характера или уничтожения его долговой расписки потерпевшим.

При разбое и насильственном грабеже угроза носит характер предупреждения потерпевшего о немедленном применении к нему физического насилия. Отказ потерпевшего выполнить требование угрожающего влечет немедленное приведение угрозы в исполнение, т. е. применение физического насилия. Для состава разбоя поэтому требуется, чтобы преступник угрожал потерпевшему немедленным применением насилия.

Вымогатель угрожает потерпевшему приведением угрозы в исполнение, т. е. применением насилия в будущем, в случае невыполнения потерпевшим его требования. На-

¹ По УК ряда союзных республик указаны не «действия имущественного характера», а «имущественные выгоды» (см ст 147 УК Армянской ССР, ст 154 УК Грузинской ССР, ст. 135 УК Казахской ССР, ст 128 УК Узбекской ССР, ст 144 УК Украинской ССР, ст.-142 УК Эстонской ССР).

пример, преступник требует у потерпевшего передачи вещи, угрожая в противном случае через несколько дней нанести ему тяжкие телесные повреждения.

При вымогательстве между угрозой и применением физического насилия существует разрыв во времени, тогда как при разбое насилие должно быть применено непосредственно вслед за угрозой. При вымогательстве потерпевший имеет время и возможность обратиться к органам власти, чтобы предпринять предохранительные меры и оградить себя от притязаний вымогателя. При разбое же или насильственном грабеже потерпевший лишен такой возможности, ибо находится в положении, когда виновный способен немедленно осуществить физическое насилие. В последнем случае у потерпевшего нет иного выхода, как или исполнить требования преступника, обращенные к нему, или подвергнуться насилию. Это определяет существенно более высокую степень общественной опасности угрозы при разбое или грабеже, соединенном с насилием, чем при вымогательстве.

В связи с разрывом во времени между требованием вымогателя и фактическим применением насилия, которым он грозит потерпевшему, психическое насилие при вымогательстве является средством только завладения имуществом, но не удержания имущества, приобретенного преступным путем, как это может иметь место при разбое и насильственном грабеже.

§ 3. Значение насилия как элемента составов преступлений против порядка управления

Насильственными преступлениями против порядка управления являются сопротивление представителю власти или представителю обществу, выполняющему обязанности по охране общественного порядка (ст. 191 УК РСФСР), сопротивление работнику милиции или народному дружиннику (ч 2 ст. 191¹ УК РСФСР), посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника (ст. 191² УК РСФСР), угроза или насилие в отношении должностного лица или гражданина, выполняющего общественный долг (ст 193 УК РСФСР).

Физическое или психическое насилие является элементом, характеризующим объективную сторону каждого из названных составов преступлений.

Формулируя диспозиции этих статей, законодатель указывает на физическое насилие или на угрозу применением насилия и не называет в качестве элемента составов преступлений последствия насилия. Это означает признание перечисленных преступлений оконченными уже с момента применения насилия или угрозы независимо от наступивших последствий. Лишь при определении квалифицированного состава преступления — угрозы или насилия в отношении должностного лица или гражданина, выполняющего общественный долг, указывается не только на насилие как действие, но и на последствия в виде нанесения легкого телесного повреждения.

Значение насилия или угрозы его применения в составах преступлений против порядка управления обуславливается прежде всего особенностями объекта преступления в системе социалистических общественных отношений, заинтересованностью государства в его надежной охране от преступных посягательств.

При совершении этих преступлений виновный посягает одновременно на порядок управления и отношения, обеспечивающие блага личности (жизнь, здоровье или телесную неприкосновенность).

Эти особенности объекта аккумулируются в потерпевшем, являющемся носителем одновременно общественных отношений, обеспечивающих и нормальное функционирование органов управления, и отдельные блага личности.

Потерпевшим в рассматриваемых преступлениях может быть представитель власти при исполнении возложенных на него законом обязанностей, представитель общественной организации, выполняющий обязанности по охране общественного порядка, работник милиции или народный дружинник при исполнении возложенных на них обязанностей или в связи с их служебной или общественной деятельностью по охране общественного порядка, должностное лицо или общественный работник в связи со служебной, общественной деятельностью или выполнением общественного долга либо отдельный гражданин в связи с его участием в предупреждении, пресечении преступления или антиобщественного поступка¹.

¹ В настоящей работе не рассматриваются как выходящие за рамки темы вопросы о понятиях представителя власти, представителя общественности, работника милиции, народного дружинника, должностного лица, общественного работника, гражданина, выполняющего общественный долг. В юридической литературе эти вопросы носят спорный ха-

Таким образом, к признакам, характеризующим потерпевших от преступлений против порядка управления, закон относит не только должностное или общественное положение потерпевшего, но и, как обязательное условие, его общественно полезные действия или деятельность, направленные на защиту интересов социалистического государства.

Именно наличие этих признаков обуславливает усиленную уголовноправовую охрану названных лиц по сравнению с охраной других граждан, ответственность за посягательства на которых предусматривается статьями УК о преступлениях против личности.

Значение насилия или угрозы его применения в составах преступлений против порядка управления зависит также от элементов, характеризующих объективную, субъективную сторону и субъекта преступления.

Признаком, общим для рассматриваемых преступлений, является направленность умысла виновного на посягательство исключительно против перечисленных лиц, могущих быть потерпевшими от преступлений против порядка управления. В частности, давая руководящие указания о квалификации посягательств на работников милиции и народных дружинников, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 3 июля 1963 г. «О судебной практике по применению законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников» обратил внимание, что ответственность за преступления, предусмотренные ст.ст. 191-1, 191-2 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, «предполагает знание виновным того, что им совершается посягательство на жизнь, здоровье... именно работника милиции либо народного дружинника при исполнении или в связи с исполнением ими обязанностей по охране общественного порядка»¹.

При определении значения насилия или угрозы его применения в составах преступлений против порядка управления важно иметь в виду, что субъектом этих преступлений может быть только лицо, достигшее 16 лет. На это обстоятельство, также применительно к посягательствам на жизнь или здоровье работников милиции или народных дружин-

ракт. Наиболее полно они излагаются в работе Г. Ф. Поленова «Ответственность за преступления против порядка управления» («Юридическая литература», 1966, стр. 19—23, 58), точку зрения которого автор разделяет. Эти вопросы рассматриваются в ряде других работ.

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963», М., 1964, стр. 287.

ников, обращается внимание в цитированном постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г.: «В связи с тем, что ст. 10 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик ограничивает уголовную ответственность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет лишь определенным кругом преступлений, к которым не относятся посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников, разъяснить судам, что несовершеннолетние указанного возраста, совершившие посягательство на работника милиции или народного дружинника, не должны нести ответственность по ст.ст. 191-1, 191-2 и 192-1 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, а отвечают за конкретно совершенные действия, если последние входят в перечень, предусмотренный ст. 10 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»¹.

Как элемент объективной стороны физическое или психическое насилие имеет различное значение в каждом отдельном составе преступления против порядка управления.

Статья 191 УК РСФСР предусматривает ответственность за сопротивление представителю власти (не являющемуся работником милиции) при исполнении им возложенных на него законом обязанностей или сопротивление представителю общественности (не являющемуся народным дружинником), выполняющему обязанности по охране общественного порядка, либо принуждение этих лиц к выполнению явно незаконных действий, совершенные с насилием или с угрозой применения насилия².

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963», М., 1964, стр. 291.

² Так же, как в ст. 191 УК РСФСР, этот состав преступления сформулирован в диспозициях статей 207 УК Армянской ССР, 187 УК Белорусской ССР, 184 УК Латвийской ССР, 204 УК Молдавской ССР, 204 УК Таджикской ССР и 215 УК Туркменской ССР. В ч. 2 ст. 189 УК Азербайджанской ССР, ч. 2 ст. 192 УК Узбекской ССР и ст. 182 УК Эстонской ССР ответственность за сопротивление указанным лицам или их принуждение предусмотрена, когда эти действия сопряжены только с насилием. Часть 2 ст. 207 УК Грузинской ССР, ч. 2 ст. 171 УК Казахской ССР, ст. 197 УК Киргизской ССР, ч. 2 ст. 188 УК Украинской ССР предусматривают ответственность только за сопротивление указанным лицам, притом соединенное лишь с насилием. Статья 201 УК Литовской ССР также предусматривает ответственность только за сопротивление названным лицам, но соединенное не только с насилием, а и с угрозой применения насилия. По УК Азербайджанской, Грузинской, Казахской, Узбекской и Украинской союзных республик рассматриваемый состав преступления является квалифицированным.

Эти же действия, осуществленные в отношении работника милиции или народного дружинника при исполнении ими возложенных на них обязанностей по охране общественного порядка, являются наказуемыми в соответствии с ч. 2 ст. 191¹ УК РСФСР¹.

Физическое или психическое насилие в преступлении, предусмотренном ст. 191 УК РСФСР, направлено против представителя власти или представителя общественности, а в преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 191¹ этого УК,— против работника милиции или народного дружинника. В первом случае насилие или угроза его применения являются элементами простого состава преступления, а во втором — квалифицированного.

По степени интенсивности и характеру физическое насилие или угроза его применения в составах преступлений, предусмотренных ст. 191 и ч. 2 ст. 191¹ УК РСФСР, имеют одинаковое значение.

Поскольку в диспозициях этих статей не указано, каким по степени интенсивности должно быть физическое насилие, постольку оно может являться как опасным, так и не опасным для жизни или здоровья потерпевшего, а также влечь последствия в виде легких или менее тяжких телесных повреждений. Например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР квалифицировала по ч. 2 ст. 191¹ УК Киргизской ССР как сопротивление работнику милиции, соединенное с насилием, действия Таранченко Ф. Г., который на почве ревности устроил ссору с женой, а когда по жалобе потерпевшей прехали сотрудники милиции, он, имея в руках косу, оказал им сопротивление, не подпуская к себе, пытался нанести удар оперуполномоченному Шейшеналиеву². В этом случае виновный применил насилие, опасное для жизни или здоровья.

Последствия в виде легких или менее тяжких телесных повреждений, как и физическое насилие, опасное или не опасное для жизни или здоровья (разумеется, если умысел виновного не был направлен на убийство или нанесение тяжкого телесного повреждения), полностью охватываются

¹ Ответственность за это деяние установлена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 г. «Об усилении ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников» («Ведомости Верховного Совета СССР» 1962 г. № 8, ст. 83). Статьи такого же содержания включены в уголовные кодексы всех союзных республик.

² «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1964 г. № 2, стр. 43—44.

составами преступлений, предусмотренными ст. 191 или ч. 2 ст. 191¹ УК РСФСР, и дополнительной квалификации по статьям о преступлениях против личности не требуют. Так, только по ч. 2 ст. 191¹ УК РСФСР Президиум Верховного Суда РСФСР квалифицировал действия Бушуева, который в нетрезвом состоянии пришел во Дворец шахтеров г. Воркуты, где происходило торжественное собрание, без приглашающего билета, на предложение дружинников оставить помещение не реагировал, а когда дружинники стали выводить его из здания, он опасной бритвой ударил по лицу дружинника Попруги, причинив легкое телесное повреждение с кратковременным расстройством здоровья, и по руке гр-на Новикова, которому причинил легкое телесное повреждение без расстройства здоровья¹.

В этом отношении представляет интерес указание, содержащееся в упоминавшемся постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г.: «Нанесение легких или менее тяжелых телесных повреждений в результате оказания сопротивления работнику милиции или народному дружиннику либо примененного в отношении этих лиц насилия с целью принуждения их к выполнению явно незаконных действий охватываются составом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 191-1 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, и дополнительной квалификации по другим статьям УК не требуют, так как нанесение телесных повреждений в этом случае является способом осуществления другого, более опасного преступления, каким является посягательство на здоровье работника милиции или народного дружинника при исполнении ими обязанностей по охране общественного порядка.

Нанесение при указанных выше обстоятельствах тяжелого телесного повреждения или менее тяжелого телесного повреждения, если последнее по закону союзной республики влечет за собой более строгое наказание, чем то, которое предусмотрено ч. 2 ст. 191-1 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, должно квалифицироваться по совокупности преступлений»².

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1964 г. № 11, стр. 9.

² «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963», М., 1964, стр. 289—290. В связи с этим нельзя согласиться с мнением, высказанным Н. Трофимовым, что «насилие» в смысле ч. 2 ст. 191¹ УК РСФСР не охватывает случаев причинения умышленного менее тяжелого телесного повреждения» и что нанесение таких поврежде-

Физическое насилие при сопротивлении или принуждении может выражаться в нанесении ударов, побоев, связывании и других действиях.

Угроза применением насилия в составах преступлений, предусмотренных ст. 191 и ч. 2 ст. 191¹ УК РСФСР, может быть также различной степени интенсивности. Она может выражаться в запугивании применением физического насилия, опасного или не опасного для жизни или здоровья, включая запугивание убийством или нанесением тяжких телесных повреждений. При этом дополнительная квалификация по статьям об угрозе убийством или нанесением тяжких телесных повреждений не требуется. Например, Президиум Верховного Суда РСФСР квалифицировал как хулиганство и сопротивление работнику милиции, соединенное с угрозой применения насилия, действия Туманова, который учинил злостное хулиганство и, когда его пытались задержать сотрудники милиции, оказал им сопротивление: вооружившись молотком, угрожал им, а затем, укрывшись в своем доме, выставил через разбитое стекло ружье и стал угрожать работникам милиции убийством¹.

Угроза применения насилия при сопротивлении или принуждении представляет собой запугивание немедленным, т. е. в процессе сопротивления или принуждения, применением физического насилия. Угроза применением насилия в будущем, т. е. после оказания сопротивления или принуждения, или угроза, не связанная с совершением этих действий, не является элементом составов преступлений, предусмотренных ст. 191 и ч. 2 ст. 191¹ УК РСФСР. Такая угроза насилием, если она содержит запугивание убийством или нанесением тяжких телесных повреждений и высказана в адрес сотрудника милиции или народного дружинника либо иного должностного лица или общественного работника, квалифицируется по ч. 1 ст. 193 УК РСФСР. Так, правильно Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР квалифицировала по ч. 1 ст. 193 УК РСФСР (в части посягательства на работника милиции) действия Гаврилова, который, будучи доставлен

ный при сопротивлении или принуждении, осуществленных в отношении работника милиции или народного дружинника, образует совокупность преступлений — сопротивления или принуждения (ч. 2 ст. 191¹ УК РСФСР) и умышленного нанесения менее тяжких телесных повреждений (ст. 109 этого УК) (См. «Советская юстиция» 1963 г. № 1, стр. 20—21).

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1964 г. № 9, стр. 4—5.

в милицию за хулиганство, в дежурной комнате угрожал милиционеру Шилину и капитану милиции Пронину расправой и убийством¹. В приведенном примере угроза насилем не была связана с сопротивлением или принуждением и содержала запугивание применением физического насилия в будущем².

В этой связи следует признать неправильной квалификацию по ч. 2 ст. 171 УК Казахской ССР как сопротивления, сопряженного с угрозой применения насилия, действии Долгиева, который был остановлен инспектором автотранспорта за нарушение правил движения и отказался предъявить документы, требуя отпустить его и угрожая, что в противном случае расправится с инспектором или его семьей — убьет их³. Из содержания этой угрозы видно, что Долгиев запугивал автоинспектора применением насилия в будущем, поскольку угрожал расправой или ему, или его семье (следовательно, угроза не могла быть немедленно приведена в исполнение).

Угроза применением насилия должна быть реальной. «Под угрозой применения насилия, указывается в цитированном постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г., — следует понимать действия или высказывания виновного, выражающие реальное намерение применить насилие в отношении работника милиции или народного дружинника»⁴.

Для наличия угрозы не требуется ее осуществления, т. е. применение физического насилия, которым запугивает преступник⁵.

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1964 г № 8, стр. 9.

² В связи со сказанным представляется ошибочным мнение А. ЕфANOVA, что «угроза применить насилие в будущем не исключает возможности рассматривать ее как отягчающее обстоятельство при сопротивлении, если были основания полагать, что виновный намеревался выполнить угрозу» («Социалистическая законность» 1964 г. № 11, стр. 24). Следует также отметить, что подобная угроза не увеличивает интенсивность сопротивления пресечению конкретных преступных действий виновного.

³ См «Социалистическая законность» 1963 г № 4, стр. 43.

⁴ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963», М., 1964, стр. 288.

⁵ В связи с этим неправильным является утверждение Г. Ф. Полепова, что «сопротивление представителю власти, представителю общественности, работнику милиции, народному дружиннику, сопряженное с угрозой применения насилия, должно считаться оконченным с момента осуществления угрозы (разрядка моя — Л Г)» (указ. работа, стр. 26).

Угроза применением насилия может быть выражена словесно, демонстрацией оружия, жестами или другими действиями.

Физическое насилие или угроза его применения характеризуют составы преступлений, предусмотренные ст. 191 и ч. 2 ст. 191¹ УК РСФСР, тогда, когда они сопряжены с сопротивлением представителю власти при исполнении им возложенных на него законом обязанностей или представителю общественности, работнику милиции, народному дружиннику при исполнении этими лицами возложенных на них обязанностей по охране общественного порядка либо с принуждением перечисленных лиц к выполнению явно незаконных действий.

Насилие или угроза применения насилия в качестве элементов составов преступлений, предусмотренных ст. 191 и ч. 2 ст. 191¹ УК РСФСР, являются средством сопротивления или принуждения и могут быть применены в процессе сопротивления или принуждения.

Ответственность за посягательство на жизнь работника милиции предусмотрена ст. 191² УК РСФСР и статьями такого же содержания УК других союзных республик.

Это преступление является тяжким и представляет наибольшую степень общественной опасности среди преступлений против порядка управления.

В цитированном постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. указывается: «Под посягательством на жизнь надлежит рассматривать убийство или покушение на убийство работника милиции или народного дружинника в связи с их деятельностью по охране общественного порядка»¹.

Элементами, характеризующими объективную сторону этого состава преступления, могут быть последствия в виде лишения жизни, причинения тяжких, менее тяжких или легких телесных повреждений, а также действия в виде физического насилия, опасного для жизни.

Умысел виновного при этом всегда направлен на лишение жизни работника милиции или народного дружинника в связи с их деятельностью по охране общественного порядка.

Для наличия данного состава преступления не обязательно причинение потерпевшему смерти. Так, по ст. 191²

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963», М., 1964, стр. 288.

УК РСФСР и другим статьям этого УК квалифицированы действия Гращенкова, который помимо совершения других преступлений, в Ленинграде с целью завладения пистолетом напал на работника милиции Михайлова, обманным способом, якобы для обнаружения спрятанного кем-то оружия, завел его в безлюдное место и там, когда Михайлов нагнулся, отыскивая в снегу оружие, ударил его обрезом малокалиберной винтовки по голове, а затем нанес ему удар кинжалом в спину и пытался достать у него из кобуры пистолет¹.

Угроза убийством или нанесением тяжких телесных повреждений, предусмотренная ч. 1 ст. 193 УК РСФСР, отличается от такой же по степени интенсивности угрозы при сопротивлении или принуждении.

В соответствии с ч. 1 ст. 193 УК РСФСР это менее опасный вид угрозы. Она может быть применена по отношению к должностному лицу или общественному работнику в целях прекращения служебной или общественной деятельности или изменения ее характера в интересах угрожающего либо по отношению к гражданину в связи с его участием в предупреждении, пресечении преступления или антиобщественного поступка.

Такая угроза по отношению к должностному лицу или общественному работнику представляет собой запугивание причинением смерти или тяжких телесных повреждений в будущем, после того как потерпевший не прекратит своей служебной или общественной деятельности или не изменит ее характера в интересах угрожающего.

Высказанная в адрес гражданина в связи с его участием в предупреждении, пресечении преступления или антиобщественного поступка данная угроза может содержать запугивание причинением указанных последствий как немедленно, так и в будущем.

Угроза убийством или нанесением тяжких телесных повреждений названным лицам должна быть реальной. В частности, ст. 184 УК Эстонской ССР (соответствующая ст. 193 УК РСФСР) предусматривает ответственность за такую угрозу «при наличии достаточных оснований опасаться приведения ее в исполнение».

Часть 2 ст. 193 УК РСФСР предусматривает ответственность за нанесение легкого телесного повреждения, побоев или совершение иных насильственных действий в отноше-

ний должностного лица или общественного работника в связи с его служебной деятельностью или выполнением общественного долга или в отношении гражданина в связи с его участием в предупреждении, пресечении преступления или антиобщественного поступка.

Если при совершении таких действий в отношении указанных лиц последним причиняются менее тяжкие или тяжкие телесные повреждения, то деяние должно квалифицироваться только по ст. 109 или ст. 108 УК РСФСР, поскольку санкция ст. 108 и ч. 2 ст. 109 значительно строже санкции ч. 2 ст. 193, а санкции ч. 1 ст. 109 и ч. 2 ст. 193 одинаковы.

§ 4. Значение насилия в составах преступлений против общественной безопасности и общественного порядка

Наиболее опасным и распространенным преступлением этой группы является хулиганство. Оно определено в законе как «умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу».

Объектом хулиганства является общественный порядок. Представляя собой весьма широкое понятие, общественный порядок включает в себя правила поведения в социалистическом обществе, неприкосновенность личности и другие общественные отношения. Поэтому хулиганство может выражаться в насилии и быть направлено на причинение вреда здоровью или телесной неприкосновенности. При этом общественный порядок как целое всегда является главным и решающим объектом хулиганства, а отношения, обеспечивающие здоровье и телесную неприкосновенность, как составная часть целого — второстепенным объектом.

В случаях, когда при хулиганстве вред здоровью выражается в тяжких телесных повреждениях, главным объектом становятся отношения, обеспечивающие здоровье человека, а второстепенным — общественный порядок. При этом хулиганство теряет самостоятельный характер, и деяние рассматривается как нанесение тяжких телесных повреждений. Это обстоятельство находит отражение в законодательстве ряда союзных республик. Так, ч. 2 ст. 93 УК Казахской ССР, ч. 2 ст. 105 УК Латвийской ССР и п. 2 ч. 2 ст. 107 УК Эстонской ССР предусматривают нанесение тяжких телесных повреждений из хулиганских побуждений

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1964 г. № 3, стр. 7.

в качестве квалифицированного состава причинения тяжкого телесного повреждения.

Таким образом, законодатели этих республик признают главным объектом нанесения тяжких телесных повреждений, совершенных из хулиганских побуждений, общественные отношения, обеспечивающие здоровье человека¹.

УК других союзных республик не предусматривают хулиганских побуждений в качестве обстоятельства, квалифицирующего нанесение тяжких телесных повреждений. Однако и применительно к нормам, предусмотренным этими УК, главным объектом данного преступления следует признать отношения, обеспечивающие здоровье человека, поскольку интенсивность действия и умысел преступника направлены прежде всего на причинение вреда здоровью, притом вреда значительно более существенного, нежели тот, который причиняется общественному порядку. Это в известной мере находит подтверждение и в том, что законодатели всех союзных республик относят нанесение тяжких телесных повреждений к числу особо тяжких преступлений, а хулиганство — к числу тяжких преступлений.

Именно приведенные обстоятельства обосновывают и указание, содержащееся в постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 17 от 22 декабря 1964 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве», что «более тяжкие, чем хулиганство, преступления (умышленное убийство, умышленное причинение тяжких телесных повреждений и др.), совершенные из хулиганских побуждений, следует квалифицировать по соответствующим статьям УК союзных республик, предусматривающим ответственность за эти более тяжкие преступления. По совокупности с хулиганством такие действия могут квалифицироваться лишь при условии, если хулиганство и другое более тяжкое преступление, совершенное из хулиганских побуждений, представляли самостоятельные преступления (реальная совокупность)»².

Объективная сторона хулиганства характеризуется действиями, грубо нарушающими общественный порядок и выражающими явное неуважение к обществу. Закон не да-

ет перечня таких действий, поскольку они могут быть весьма разнообразными. Эти действия могут выражаться в словесной форме, в виде неприличных телодвижений, жестов, в повреждении или уничтожении имущества, в насилии над человеком и т. п. Например, по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР осужден Прокофьев Н. А., который 23 июня 1965 г., находясь в нетрезвом состоянии в помещении Родниковского поссовета, где демонстрировался кинофильм, врывался в зрительный зал, оттолкнул киномеханика-контролера Соловьева, ударил кулаком, а затем головой в лицо гр-на Кирюхина. Когда Прокофьева пыталась вывести его из зала, он ругался нецензурными словами, дважды ударил гр-на Заломаева кулаком в лицо, нанес два удара гр-ну Сергиенко головой в подбородок, ударом кулака рассек бровь гр-ну Борзову¹.

Представляя собой одну из форм конкретных хулиганских проявлений, насилие является факультативным элементом, характеризующим объективную сторону состава хулиганства.

Физическое или психическое насилие может характеризовать объективную сторону хулиганства само по себе или вместе с последствием в виде телесных повреждений либо с другими действиями, не однородными насилию, например с произнесением нецензурных выражений.

С субъективной стороны хулиганство характеризуется прямым умыслом, которым охватываются действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, и мотивом — хулиганскими побуждениями, т. е. стремлением преступника открыто противопоставить свое поведение общественному порядку, проявить грубую силу, цинизм, дерзость. Согласно постановлению № 17 Пленума Верховного Суда СССР от 22 декабря 1964 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве» «нанесение... побоев, причинение легких или менее тяжких телесных повреждений и другие подобные действия, совершенные по личным мотивам, могут квалифицироваться как хулиганство лишь тогда, когда они были сопряжены с грубым нарушением общественного порядка и выражали явное неуважение к обществу»². Следовательно, само насилие в составе хулиганства может применяться как из хулиганских побуждений, так и по личным мотивам, при этом всегда с прямым умыслом. Когда насилие в составе хулиганства

¹ Следует отметить, что п. 1 ч. 2 ст. 108 УК Эстонской ССР причинение тяжкого телесного повреждения (по УК РСФСР — менее тяжкого), совершенное из хулиганских побуждений, также рассматривается как квалифицированный вид состава тяжкого телесного повреждения, чем презюмируется признание отношений, обеспечивающих здоровье человека, главным объектом данного преступления.

² «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1965 г. № 1, стр. 7—8.

¹ Архив Московского областного суда, дело № 1-388.

² «Советская юстиция» 1965 г. № 3, стр. 27.

применяется по личным мотивам, хулиганство в целом совершается из хулиганских побуждений. Хулиганским мотивом в этих случаях характеризуется отношение виновного к обстановке совершения насильственных действий (когда насилие является единственным действием, характеризующим объективную сторону хулиганства) либо отношение виновного к обстановке и к другим действиям, грубо нарушающим общественный порядок (когда насилие в сочетании с этими действиями характеризует объективную сторону хулиганства). Например, осужденный по ч. 2 ст. 206 УК СССР за злостное хулиганство Мирошниченко В. П. неоднократно, находясь в нетрезвом состоянии, по личным мотивам избивал свою жену — Мирошниченко Раису, сопровождая это дерзкими проявлениями в отношении своей тещи Проценко. При этом своими действиями он грубо нарушал общественный порядок в квартире: мешал соседям нормально отдыхать, будил их по ночам, пугал детей¹. Хулиганским мотивом характеризовалось отношение Мирошниченко В. П. к действиям, направленным против тещи, и к обстановке совершения насильственных действий.

Определение роли и характера насилия в конкретном преступлении хулиганства, выразившемся в насилии или в насилии, сочетавшемся с другими действиями, имеет значение для правильной квалификации хулиганства.

Насильственным всегда является хулиганство, сопровождавшееся применением оружия или предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений. Физическое или психическое насилие при этом во всех случаях является опасным для жизни или здоровья потерпевшего.

Сопряженным с насилием, опасным для жизни или здоровья, является во всех случаях хулиганство с применением или попыткой применения не только оружия или предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений, но и вообще любых предметов, которыми можно причинить вред здоровью человека или лишить его жизни, например палок, бутылок, камней и тому подобных предметов.

В зависимости от конкретных обстоятельств преступления хулиганство может быть сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья, и тогда, когда оно соверша-

ется и без применения оружия или каких-либо предметов, например при избивании потерпевшего ногами.

Такое хулиганство, хотя оно и не может быть квалифицировано по ч. 3 ст. 9 Указа от 26 июля 1966 г., представляет значительно большую степень общественной опасности по сравнению с простым хулиганством, предусмотренным ч. 1 ст. 9 этого Указа.

Следует отметить, что до издания Указа от 26 июля 1966 г. Уголовные кодексы Грузинской, Киргизской, Литовской, Молдавской и Эстонской союзных республик (соответственно ч. 2 ст. 228, ч. 2 ст. 215, ч. 2 ст. 225, ч. 2 ст. 218 и ст. 196) признавали любое насилие обстоятельством, квалифицирующим хулиганство. Частью 2 ст. 204 УК Узбекской ССР в качестве одного из обстоятельств, квалифицирующих хулиганство, предусматривалось нанесение ударов и побоев или причинение телесных повреждений (за исключением тяжких), а ч. 2 ст. 204 УК Латвийской ССР — причинение телесного повреждения.

УК других союзных республик не выделяли насилие в качестве обстоятельства, квалифицирующего хулиганство.

Давая разъяснения по вопросам квалификации хулиганства, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 22 декабря 1964 г. в п. «б» указал: «Квалифицируя хулиганство по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик по признаку наличия в действиях подсудимого исключительного (особого) цинизма или исключительной дерзости, суд должен указать в приговоре, какие конкретно действия виновного он относит к исключительно дерзким или циничным, например, издевательство и глумление над личностью, срыв массового мероприятия, нанесение ранений, угроза оружием и т. п. (подчеркнуто мною.— Л. Г.)»¹. Таким образом, совершенно правильно Пленум признал обстоятельством, квалифицирующим хулиганство, физическое насилие, выразившееся в нанесении ранений, и психическое насилие, выразившееся в угрозе оружием.

Указанные различия, существовавшие в нормах УК разных союзных республик, характеризовали несовершенство законодательства, которое не было устранено и изданием дитированного постановления Пленума Верховного Суда СССР.

¹ Архив Луганского областного суда, дело № 786, 1965 г.

¹ «Советская юстиция» 1965 г. № 3, стр. 28.

Это несовершенство законодательства заключалось в следующем.

Дерзость как обстоятельство, квалифицирующее хулиганство, предусматривалось уголовными кодексами всех союзных республик. Насилие или последствие насилия причислялось к такому обстоятельству уголовными кодексами лишь некоторых союзных республик.

Дерзость является весьма широким понятием¹. Оно может охватывать различные действия, включая насилие, опасное для жизни или здоровья человека. Однако поскольку в УК ряда союзных республик в качестве обстоятельства, квалифицирующего хулиганство, наряду с дерзостью указывалось насилие, постольку в точном уголовноправовом смысле (в масштабе общесоюзного законодательства), основываясь на принципе отсутствия аналогии, понятие дерзости не должно было охватывать понятия насилия.

В то же время Верховный Суд СССР в постановлении Пленума от 22 декабря 1964 г. указал в качестве примера дерзости на нанесение ранений, угрозу оружием и признал возможность квалифицировать хулиганство как злостное по признаку дерзости, когда дерзость выражается в нанесении ранений, угрозе оружием, т. е. в физическом или психическом насилии, опасном для жизни или здоровья. Так как это постановление является руководящим для судов всех союзных республик, насилие, выразившееся в нанесе-

¹ Н. Дьячков и Н. Кузнецова пишут: «Понятием дерзости охватывается нанесение во время хулиганских действий потерпевшим побоев и легких телесных повреждений, длительное нарушение общественного порядка (систематическое либо не прекращающееся, несмотря на противодействие граждан), срыв производственной, общественной и культурно-массовой работы, создание хулиганскими действиями опасности жизни и здоровью граждан, хулиганские поступки в отношении детей, больных, инвалидов, престарелых граждан, групповое хулиганство, учинение дебоша с причинением ощутимого материального вреда и тому подобные действия. Признак дерзости характеризует прежде всего серьезность нарушения общественного порядка, а затем особую низменность хулиганских мотивов» («Советская юстиция» 1964 г. № 1, стр. 10). А. Кузнецов отмечает: «Исключительная дерзость предполагает совершение хулиганских действий в особо грубой форме и... характеризуется не только наглостью, но и пренебрежительным отношением хулигана к общественным или личным интересам, издевательством или глумлением над человеческой личностью. Как показывает практика, хулиганские действия, отличающиеся исключительной дерзостью, обычно выражаются в форме нанесения побоев, повлекших расстройство здоровья, или причинения телесных повреждений с расстройством здоровья. Они осуществляются также посредством угрозы убийством и других действий, характеризующихся тяжким насилием над личностью» («Советская юстиция» 1965 г. № 16, стр. 21).

нии ранений или в угрозе оружием, примененное при учинении хулиганских действий, должно было рассматриваться судами как обстоятельство, квалифицирующее хулиганство, даже в тех союзных республиках, где оно в качестве такового не было предусмотрено.

Следуя же букве закона, действовавшего до издания Указа от 26 июля 1966 г., хулиганство могло быть квалифицировано как злостное по признаку насилия лишь тогда, когда этот признак был предусмотрен в законе. Иначе в известной мере создавалась возможность применения аналогии, отмененной действующими Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, что противоречило принципу советского уголовного права, закрепленному ч. 1 ст. 7 этих Основ и соответствующими статьями УК союзных республик, согласно которому преступлением признается только то общественно опасное деяние, которое предусмотрено уголовным законом.

Указ от 26 июля 1966 г. устранил это несовершенство законодательства, во-первых, установив единое для всех союзных республик понятие хулиганства, простого и квалифицированного, и, во-вторых, исключив специальное указание на насилие как обстоятельство, квалифицирующее хулиганство.

В соответствии с Указом понятие насилия охватывается понятием дерзости. Это согласуется с высказанной до издания Указа точкой зрения, которой придерживаются Верховный Суд СССР, а также авторы цитированных статей Н. Дьячков, Н. Кузнецова и А. Кузнецов.

Однако не всякое насилие, примененное при совершении хулиганства, характеризует дерзость.

На наш взгляд, решающим критерием для отграничения простого хулиганства, выразившегося в насилие, от злостного является степень интенсивности насилия, степень опасности его для жизни или здоровья потерпевшего. Этот критерий наиболее четко разделяет степень общественной опасности простого и злостного хулиганства.

Руководствуясь этим критерием, квалифицированным или злостным хулиганством по признаку дерзости, необходимо рассматривать это преступление тогда, когда оно сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья потерпевшего. Основываясь на этом критерии, суды усмотрели злостное хулиганство в действиях Голдина А. Ф., который 25 марта 1965 г. на ул. Ленина в г. Луганске, находясь в нетрезвом состоянии, из хулиганских побуждений

металлическим ключом от квартиры нанес удар в лицо гр-ну Глазову, разбив ему нижнюю губу и причинив легкие телесные повреждения¹, и в действиях Петрова М. И., который, отбывая наказание и находясь в больнице ОПТУ Луганского облисполкома на излечении, 3 августа из хулиганских побуждений выскочил из палаты в коридор, стал выражаться нецензурными словами в присутствии женщин-врачей, ударил по руке надзирателя Петухова, толкнул надзирателя Алексеева, а затем в палате взял чайник сводой и, угрожая нанести удар чайником, бросил его в сторону врачей и надзирателей, стоявших у двери².

Когда хулиганство сопровождается не только применением насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего, но и другими действиями, то оно квалифицируется как простое в том случае, когда другие действия сами по себе не являются обстоятельством, квалифицирующим хулиганство.

Важное значение имеет отграничение хулиганства, сопряженного с физическим насилием или его последствиями, от преступлений против личности. Оно проводится по субъективной стороне, объекту и по тяжести сравниваемых преступлений³. Умышленное нанесение ударов, побоев, причинение легких, менее тяжких телесных повреждений квалифицируются как хулиганство, если эти действия или их последствия либо совершены из хулиганских побуждений, либо их совершение сопряжено с грубым нарушением общественного порядка и явным неуважением к обществу, охватываемыми умыслом виновного. Хулиганство, сопряженное с причинением легких телесных повреждений с кратковременным расстройством здоровья или менее тяжких телесных повреждений, как правило, квалифицируется как злостное хулиганство, признаваемое согласно примечанию II к ст. 24 УК РСФСР и соответствующим статьям УК всех других союзных республик тяжким преступлением. Поскольку причинение названных телесных повреждений не отнесено законодателем к разряду тяжких преступлений, постольку дополнительная квалификация такого хулиганства по статьям, предусматривающим соответствующие преступления против личности, не требуется.

¹ Архив Луганского областного суда, дело № 603, 1965 г.

² Архив Луганского областного суда, дело № 1466, 1965 г.

³ Критерии для разграничения этих преступлений излагаются в пп. 4 и 5 цитированного постановления Пленума Верховного Суда СССР от 22 декабря 1964 г. («Советская юстиция» 1965 г. № 3, стр. 27).

По-иному решается этот вопрос в УК Эстонской ССР. Пункт 1 ч. 2 ст. 108 предусматривает в качестве обстоятельства, квалифицирующего умышленное нанесение тяжкого телесного повреждения (по УК РСФСР — менее тяжкое), его совершение из хулиганских побуждений. Поэтому в соответствии с УК Эстонской ССР хулиганство, выразившееся в нанесении тяжкого телесного повреждения, должно квалифицироваться по совокупности преступлений по ст. 196 и ч. 2 ст. 108, поскольку состав хулиганства не охватывает нанесение тяжкого телесного повреждения, а состав последнего не включает в себя хулиганства. Следует также отметить существенную неточность, заключающуюся в том, что согласно п. 1 ч. 2 ст. 108 тяжкое преступление признается лишь обстоятельством, квалифицирующим преступление, не являющееся тяжким.

Умышленное убийство и умышленное нанесение тяжких телесных повреждений (по УК Эстонской ССР — особо тяжкие) согласно пп. 1, 2 примечания I к ст. 24 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик признаются преступлениями более тяжкими, нежели злостное хулиганство. Поэтому если эти преступления совершаются из хулиганских побуждений, то они квалифицируются только по статьям, предусматривающим соответствующие преступления против личности и дополнительная квалификация по ст. 206 и соответствующим статьям УК других союзных республик не требуется.

В отдельных случаях, когда хулиганство выражается в применении физического или психического насилия, оно может быть похожим на грабеж, соединенный с насилием (если насилие не является опасным для жизни или здоровья), либо на разбой (если насилие представляет опасность для этих благ личности). При этом имеет место совпадение объекта посягательства (телесная неприкосновенность или здоровье) и действия преступника (насилие).

Разбой и грабеж, сопряженный с насилием, посягают на два объекта: отношения собственности, ограниченные порядком распределения материальных благ, и отношения, обеспечивающие блага личности (разбой — на здоровье, грабеж — на телесную неприкосновенность). Насилие при разбое и грабеже всегда является средством завладения имуществом или удержания похищенного имущества. Разбой и грабеж совершаются с целью завладения имуществом.

Хулиганство отличается от этих преступлений по объекту, характеру действия и субъективной стороне. В отличие от грабежа и разбоя хулиганство по своей юридической природе не может посягать на отношения собственности, ограниченные порядком распределения материальных благ. Это различие в объектах определяет и отличие хулиганства от грабежа и от разбоя по характеру действия и субъективной стороне. При хулиганстве насилие никогда не применяется в качестве средства преодоления сопротивления потерпевшего завладению имуществом или удержанию уже похищенного имущества¹. Субъективная сторона хулиганства в отличие от субъективной стороны грабежа или разбоя не характеризуется целью завладения имуществом и умыслом, охватывающим насилие в качестве средства завладения имуществом или удержания похищенного имущества.

Значительно большую сложность представляет отграничение разбоя и грабежа от хулиганства, выражающегося в насилии, когда оно сопровождается кражей имущества. Критерием для разграничения этих преступлений является характер действия и умысла, а в определенных случаях и момент формирования цели. При насильственном хулиганстве, сопровождающемся кражей, насилие не представляет средства преодоления сопротивления потерпевшего завладению имуществом, и похищение совершается ненасильственным способом. При этом умыслом виновного охватываются порознь насилие и завладение имуществом как самостоятельные действия, не объединенные между собой причинной связью, а умысел направлен на ненасильственное похищение имущества. Цель завладения имуществом при разбое и грабеже возникает до применения насилия или в процессе применения насилия (при перерастании хулиганства в грабеж или разбой). Цель похищения имущества при хулиганстве, сопровождающемся кражей, возникает после применения насилия, когда преступник похищает имущество, используя удобную ситуацию, сложившуюся при совершении хулиганства, сопряженного с насилием.

¹ Н. Ф. Кузнецова правильно отмечает, что «для разграничения этих преступлений (разбоя и хулиганства. — Л. Г.) необходимо особенно тщательно исследовать характер насилия... было ли это насилие лишь формой проявления хулиганства и в совокупности со всем поведением лица нарушало общественный порядок или преследовало цель парализовать волю жертвы, чтобы беспрепятственно завладеть ее имуществом» («Советское государство и право» 1957 г. № 9, стр. 112)

На практике нередко возникает необходимость разграничения хулиганства и связанного с насилием сопротивления работнику милиции или народному дружиннику. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. «О судебной практике по применению законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции» содержится следующее указание: «Сопротивление, соединенное с насилием, оказанное при совершении хулиганских действий, должно квалифицироваться по совокупности преступлений»¹. Хотя в этом постановлении отсутствует разъяснение относительно квалификации хулиганства и сопротивления работнику милиции или народному дружиннику, когда последнее связано с угрозой применения насилия, деяние должно также рассматриваться как совокупность преступлений².

Насильственным преступлением против общественной безопасности и общественного порядка является также угроза убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества путем поджога, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы.

Угроза убийством, как и угроза нанесением тяжких телесных повреждений, является факультативным элементом состава преступления, предусмотренного ст. 207 УК РСФСР, поскольку объективную сторону этого состава преступления может характеризовать только угроза уничтожением имущества путем поджога.

Состав преступления угрозы помещен в УК девяти союзных республик в главу «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения»³, а в УК шести союзных республик — главу «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности»⁴.

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963», М., 1964, стр. 290.

² Аналогичное мнение высказано в статье Л. Андреевой и И. Солодкина «Еще не все вопросы ясны» («Советская юстиция» 1964 г. № 16, стр. 22).

³ См. УК РСФСР (ст. 207), Армянской ССР (ст. 223), Белорусской ССР (ст. 202), Киргизской ССР (ст. 216), Латвийской ССР (ст. 205), Литовской ССР (ст. 227), Молдавской ССР (ст. 219), Таджикской ССР (ст. 221), Туркменской ССР (ст. 237). Следует отметить, что в УК Киргизской ССР и УК Литовской ССР в отличие от УК РСФСР не предусмотрена ответственность за угрозу уничтожением имущества.

⁴ См. УК Азербайджанской ССР (ст. 101), Грузинской ССР (ст. 136), Казахской ССР (ст. 117), Украинской ССР (ст. 100), Узбекской

В юридической литературе объектом угрозы убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества признается либо только общественный порядок¹, либо общественный порядок и общественная безопасность².

Действительно, угроза убийством или нанесением тяжких телесных повреждений не является обнаружением умысла на лишение человека жизни или причинение ему тяжких телесных повреждений, а представляет собой действие, содержащее запугивание другого человека и нарушающее общественный порядок. Поэтому правильно поступили законодатели тех союзных республик, которые отнесли угрозу к преступлениям против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения.

Угроза убийством, нанесением тяжких телесных повреждений налицо тогда, когда имеются основания опасаться осуществления этой угрозы. Например, за угрозу убийством правильно осужден Черников И. В., который неоднократно грозил убить свою мать Черникову Л. В., гонялся за ней со столовым ножом.

Для состава угрозы убийством или нанесением тяжких телесных повреждений необходимо, чтобы психическое насилие, опасное для жизни или здоровья, было реальным как со стороны субъективного восприятия угрозы потерпевшим, так и со стороны объективной направленности действия виновного на ее осуществление.

Угроза характеризуется не хулиганским, а личным мотивом, основанным на взаимоотношениях виновного с потерпевшим. Умыслом угрожающего не охватывается грубое нарушение общественного порядка.

Угроза убийством или нанесением тяжких телесных повреждений, предусмотренная ст. 207 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, имеет некоторые сходные черты с хулиганством, когда последнее

ССР (ст. 85), Эстонской ССР (ст. 128). В отличие от УК РСФСР в УК Азербайджанской ССР, Узбекской ССР, Украинской ССР и Эстонской ССР предусматривается уголовная ответственность только за угрозу убийством, УК Казахской ССР — за угрозу убийством, тяжким насилием над личностью или поджогом.

¹ «Советское уголовное право. Часть Особенная» под ред. Н. И. Загородникова, М. И. Якубовича, В. А. Владимирова, «Юридическая литература», 1965, стр. 388.

² «Советское уголовное право, Часть Особенная», под ред. В. Д. Меньшагина, Н. Д. Дурманова, Г. А. Кригера, МГУ, 1964, стр. 356.

выражается в психическом насилии, опасном для жизни или здоровья.

При этом на практике возникает необходимость отграничения совокупности хулиганства и угрозы убийством или нанесением тяжких телесных повреждений от угрозы как самостоятельного преступления.

Поскольку и хулиганство, и угроза имеют своим непосредственным объектом общественный порядок, постольку разграничение их возможно проводить только по объективной и субъективной стороне.

Совокупность хулиганства и угрозы характеризуется действиями, грубо нарушающими общественный порядок.

Угроза как самостоятельное преступление налицо тогда, когда действия, выражающиеся в запугивании или сопровождающие запугивание потерпевшего, нарушают общественный порядок не в столь грубой форме. При этом нарушение общественного порядка соответствует, как правило, такому нарушению, которое свойственно мелкому хулиганству. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР усмотрела только угрозу убийством в действиях Образцова, который, находясь в нетрезвом состоянии, неоднократно входил в кабинет начальника лесопункта, где проходило производственное совещание, выражался нецензурными словами, не реагировал на замечания, а когда был удален из помещения техноруком Ждановым, вновь пришел в кабинет начальника лесопункта уже с топором в руках и, выражаясь нецензурной бранью, угрожал убийством Жданову¹.

Угроза убийством или нанесением тяжких телесных повреждений как самостоятельное преступление всегда связана с определенными личными взаимоотношениями виновного с потерпевшим. Поэтому она всегда совершается по личным мотивам. Умыслом же виновного охватывается нарушение общественного порядка не в столь грубой форме, что имеет место при хулиганстве.

При совокупности хулиганства и угрозы последняя может высказываться как по личным мотивам, так и из хулиганских побуждений. Умыслом виновного в совершении такого преступления всегда охватывается грубое нарушение общественного порядка.

---

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1964 г. № 3, стр. 7—8.

Содержание

Глава I ПОНЯТИЕ НАСИЛИЯ 3

- § 1. Понятие физического насилия 4
- § 2. Физическое насилие, опасное для жизни или здоровья 22
- § 3. Угроза применения насилия 31

Глава II ПОНЯТИЕ ОРУЖИЯ И ПРЕДМЕТОВ, ЗАМЕНЯЮЩИХ ОРУЖИЕ 38

- § 1. Понятие оружия 39
- § 2. Понятие предметов, используемых при разбое в качестве оружия 43
- § 3. Понятие предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений 50

Глава III ЗНАЧЕНИЕ НАСИЛИЯ В КОНКРЕТНЫХ СОСТАВАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 61

- § 1. Значение насилия как элемента составов преступлений против личности 65
- § 2. Значение насилия как элемента составов преступлений против собственности 82
- § 3. Значение насилия как элемента составов преступлений против порядка управления 97
- § 4. Значение насилия в составах преступлений против общественной безопасности и общественного порядка 107